

МИХАИЛ ДОРИН

18+

КА КАЗСКИЙ РУБЕЖ 10

Михаил Дорин

Кавказский рубеж 10

<https://litres.ru/74418578>

SelfPub; 2026

Аннотация

1991 год. Александр Клюковкин живёт мирной жизнью. Семья, работа и, конечно, вертолёты, которые он день за днём поднимает в небо.

Но всё меняется, когда очередной «пожар» войны вспыхивает на новых окраинах Великой страны. Александру предстоит отправиться туда, где решается судьба государства.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	36
Глава 4	53
Глава 5	71
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Михаил Дорин

Кавказский рубеж 10

Глава 1

Апрель, 1991 года, аэродром Чкаловский, СССР.

Самая лучшая колыбельная — это гул в грузовой кабине Ил-76. Богатырь «Илюшин» среди транспортных самолётов смело занимает место «трёхзвёздочного» отеля при перелётах с места на место. И летит мягко, и всегда есть где расположиться.

Я продолжал видеть очередной прекрасный сон. Голубое небо, изумрудная лужайка... будто пейзаж рабочего стола на компьютере стал явью.

И тут я открыл глаза. Реальность вернулась резким, жёстким толчком. Вот оно знакомое ощущение касания шасси о бетонную полосу аэродрома. Рёв двигателей изменил тональность, переходя на реверс. Так очередной длительный перелёт с войны и подошёл к концу.

Я потёр лицо ладонями, пытаюсь согнать липкий сон. В ушах стоял гул. Спать в «Ильюшине» то ещё удовольствие, особенно когда лежишь на жёстком ящике.

Через минуту мы уже рулили по стоянке одного из самых работающих аэродромов страны. Здесь, как мне кажется, ни-

когда не останавливаются перелёты и личный состав группы руководства полётами не смыкает глаз.

— Сан Саныч, а что дальше? Говорят, в стране теперь что-то поменялось, — спросил у меня Денис.

Это мой лётчик-штурман, с которым мы облетали все Балканы, пока в очередной раз работали с Виталием Казанов. Хотя, мы больше работали на сербов, пытаюсь хоть как-то помочь стране, оставшейся один на один с «военной машиной» НАТО.

— Вот сейчас и увидим. Кстати, какие у тебя теперь планы на жизнь? — спросил я, спрыгивая с ящика, который выполнял роль моей кровати.

Денис пожал плечами, но на вопрос сразу не ответил. Оно и понятно. В этой реальности всё пошло несколько иначе. На текущий момент все свои войска из Восточной Европы Советский Союз уже вывел. Почти полмиллиона человек вернулись домой, но здесь их никто и не ждал.

Денис, к сожалению, оказался именно в такой ситуации. Его 172-й отдельный вертолётный полк был выведен из Германии буквально в чистое поле. Технику отправили на базу хранения в Касимово, а личный состав... да кому было интересно, что будет с личным составом. Так что работа в Конго для него была очень важна.

— Я бы в Африку вернулся. Вроде как есть контора, которая нанимает людей для работы в различных странах.

— Понимаю. С деньгами сейчас у всех будет плохо, —

ответил я.

— Думаешь? — удивился Денис.

Я молча кивнул, взял куртку с сумкой и пошёл к рампе. Гул турбин стих, сменившись тонким свистом вспомогательной силовой установки. Грузовой люк начал медленно опускаться, впуская внутрь полосу серого света.

— С возвращением, мужики! Чкаловский! — крикнул бортинженер, провожая нас.

Пожав ему руку, я начал спускаться на бетонную поверхность.

В нос ударил запах, который ни с чем не спутать. Эта смесь авиационного керосина, мокрого бетона и весенней, подтаявшей земли приятнее любого аромата женских духов. Ну кроме, разве что, запаха духов моей Тоси.

Вокруг кипела жизнь огромного военного аэродрома. Тягачи тащили куда-то зачехлённые вертолёты, вдалеке прогревал двигатели «Антей», сотрясая воздух басовитым рокотом.

Я остановился на мгновение, щурясь от бледного солнца, пробивающегося сквозь низкие облака.

Величественные фюзеляжи самолётов стояли ровными рядами, как на параде. Ту-154, Ил-62, красавцы Ил-76, и на каждом, устремлённом в небо киле, ярким пятном горел красный флаг Советского Союза.

Они стояли здесь, могучие и спокойные, символы силы, которая всем вокруг кажется вечной. Ветер трепал волосы, а

я смотрел на развевающиеся флаги на флагштоках. Внутри было странное чувство.

Апрель 1991 года, ГКЧП... неужели Великой стране осталось жить считанные месяцы?

— Сан Саныч, не отставай! — окликнул меня Денис, показывая на автобус группы контроля.

— Не торопись, Деня. Нас сейчас встретят.

— Кто?

— Много будешь знать, скоро... хотя ты и так уже не молодой, — махнул я рукой и устремил свой взгляд на мчащийся по стоянке микроавтобус РАФ.

Я перехватил сумку поудобнее и продолжил ждать машину. Микроавтобус подъехал к нам и остановился. Из автомобиля вышел статный офицер в звании полковника. Он поправил китель, накинул кожаную куртку и пригладил волосы.

Этому человеку я доверял прикрывать меня в Сирии почти десять лет назад. Тот самый Шамиль Керимов, лётчик-испытатель из Владимирска. С трудом, но он вернулся на лётную работу и сейчас является заместителем начальника одного из испытательных управлений Испытательного Центра ВВС. Базируется данное управление как раз на этом аэродроме.

— Сан Саныч, ну я немного опоздал, — развёл руки Шамиль, идя ко мне и готовясь обнять.

— Здравствуй, дружище! — обнялся я с Керимовым и по-

знакомил его с Денисом.

— Рад знакомству! Ты как в Сербии оказался? Опять... наши общие знакомые? — улыбнулся Шамиль, намекая на Казанова и Римакова.

— Вроде того. Не забыл привезти?

Шамиль кивнул и достал из внутреннего кармана куртки заклеенный большой конверт. На нём был написан мой адрес, куда нужно было отослать вещи. Если бы я не вернулся.

— Спасибо, друг, — поблагодарил я и оторвал одну сторону.

Внутри были военные документы, кошелёк, ключи от квартиры и самое главное — обручальное кольцо.

— Так-так! Саныч, а ты ж говорил, что не женат? — возмутился Денис.

— Конспирация, Деня. Личная жизнь, на то она и личная. Тем более что мы же были в сверхсекретной командировке...

— О которой никто не знает, верно? — улыбнулся Шамиль.

— Вообще никто не знает, — посмеялся я, надел кольцо и поцеловал его сразу.

Через несколько минут мы уже ехали в сторону Москвы на Казанский вокзал. Мне и Денису было по пути. Он собирался к себе в родную Сызрань, чтобы побыть с женой, ребёнком и родителями. Заодно и обдумать дальнейшие планы.

— Всё как будто застыло, Сань. ГКЧП сначала начало на-

водить порядки, а потом как-то слилось.

— В каком смысле? — спросил я у Шамиля.

Навстречу нам как раз ехала небольшая колонна бронетехники с солдатами. Похоже, что основные государственные объекты более не нуждаются в столь усиленной охране.

— Поруководили страной, повыступали, объявили об операции в Сербии, и всё. О, вот и они! — воскликнул Шамиль и прибавил звук радио.

На Всесоюзном радио шла трансляция выступления представителей ГКЧП.

— Комитет — не хунта. Да, имели место быть определённые ошибки. И тем не менее никто не стрелял по безоружным. В руках Комитета находилось огромное количество вооружений, но мы всё-таки не пустили их в дело, массовых кровопролитий не произошло. На данный момент Комитет и руководители партии выступают за нормализацию обстановки конституционным путём. Принято решение о созыве внеочередной сессии Верховного Совета СССР, а затем и Съезда народных депутатов, — выступил один из руководителей ГКЧП.

Когда ему задали вопрос о выборах, он ответил не сразу.

— Выборы состоятся. На данную минуту известно о нескольких участниках...

Как по мне, то ничего не понятно. Похоже, что страна вошла в эпоху сильнейшего политического кризиса. Как в такой ситуации получилось ещё и ввести войска в Сербию,

сложно понять. Ощущение, что армия на данную минуту действует автономно и без оглядки на политические преобразования.

— Короче, езжайте мужики к себе. В такой ситуации надо только ждать, — произнёс Шамиль.

Для себя я решил, что надо просто делать свою работу. На своём месте.

Вечером наш поезд на Куйбышев под названием «Жигули» отправился от одной из платформ вокзала. Билеты нам достались на верхнюю и нижнюю полки, а в самом купе с нами ехали ещё двое мужиков.

Из соседнего купе раздавались громкие разговоры, а в самом вагоне стояла смесь запахов варёных яиц, курицы и колбасы.

— Мама, я наверх. Мне там больше нравится, — рвалась в соседнем купе девочка на верхнюю полку.

— Свалишься и расшибёшься. Спишь внизу, — строго осаживала её мама, но девочка была непреклонна.

Я не держался за свою нижнюю полку, поэтому предложил женщине своё место. Она вежливо отказалась, поскольку её дочь вряд ли уснёт внизу.

Стук колёс успокаивал. Это была, пожалуй, единственная понятная и надёжная вещь в мире, который, казалось, окончательно сошёл с ума. Новости, которые мы узнавали с каждой минутой, становились всё более странными и неоднозначными.

— Пожалуйста, мальчики, — принесла нам чай проводница.

— Спасибо, — поблагодарил я и вновь повернулся к окну.

Хотелось бы просто посидеть в тишине, но в нашем купе было не до спокойствия. Деня старался держаться, но его уже тоже клонило в сон. Не досидев и до Рязани, Денис полез на верхнюю полку. Я свою обменял одному из мужиков и тоже был готов отправиться на боковую.

— Нет, ты мне скажи! Ну вот выберут они Дельцова. И что? Опять «дорогой Леонид Ильич», только в профиль? Партократ он, кость от кости! Нам жёсткая рука нужна, а не партийный кисель! — горячился один из наших попутчиков.

Это был мужичок с красным, обветренным лицом, в помятом пиджаке прямо поверх тельняшки.

— ГКЧП обосрались, простите за мой французский, их теперь метлой поганой гонят из кабинетов. Кто страну держать будет? Пускай уж Русов, — лениво отбивался его оппонент.

— Союз трещит, понимаешь? По швам трещит! — мужичок в тельняшке ударил кулаком по столу.

В этот момент ложечка в моём стакане жалобно звякнула. Мужики глянули на меня, но я махнул им, что ничего страшного. Тут они спор и продолжили.

Я отвернулся к окну, размышляя о будущем. Как бы ни хотелось представлять объятия жены и большой объём работы на службе, в мыслях всё равно была политика. Выбо-

ры президента СССР должен был однозначно выиграть Русов. Он человек, смотрящий на Запад и потакающий ему. Но тут ГКЧП, Сербия и... провал Комитета. К выборам все готовятся, а главным оппонентом Русова будет Виктор Геннадьевич Дельцов.

Как всё запутано, что аж спать хочется.

— А вы, товарищ, за кого будете? — спросил у меня мужик в тельняшке.

Я допил чай и отставил кружку в сторону.

— Я за тишину, мужики. Давайте на полтона ниже, хорошо? — тихо ответил я.

Мужики извинились и перешли к более спокойному обсуждению и продолжили бубнить вполголоса.

Под ритмичное качание вагона реальность поплыла. Мне привиделось, что я открываю дверь своей квартиры. Пахнет жареной картошкой и немного духами. Тося оборачивается, в руках у неё полотенце, а в глазах пляшут смешинки. «Вернулся...» — шепчет она одними губами. Я делаю шаг, хочу обнять её, почувствовать живое тепло...

Я открыл глаза. На улице уже было светло, а Денис одевался, чтобы выйти из поезда.

— Бывай, Сан Саныч, — попрощался он со мной.

Я быстро слез с койки и пошёл провожать товарища.

— Если будет желание, ты знаешь, где меня найти. Место в моём полку будет обязательно.

— Спасибо, друже, — добавил Денис по-сербски, и мы с

ним попрощались у самого тамбура.

Вскоре должна быть и моя остановка.

В расчётное время поезд прибыл в Дежинск. Это моё текущее место службы. Вот уже как три года я здесь на должности заместителя командира 158-го учебного вертолётного полка.

Когда я вышел на платформу, то почувствовал некое облегчение. Всё в Дежинске за эти годы стало для меня родным. Воздух здесь был другой. В Чкаловском пахло большим небом и керосином, а здесь — талым снегом, мокрой пылью и печным дымом из частного сектора, который подступал к самым пятиэтажкам.

Закинув сумку на плечо, я двинулся в сторону военного городка.

Под ногами хлюпала вечная весенняя каша. Снег уже сошёл с тротуаров, но ещё лежал грязными кучами в тени заборов и гаражей.

Дежинск жил своей тихой, провинциальной жизнью. Я шёл мимо типовых пятиэтажных «хрущёвок», выстроившихся как солдаты в строю. Выделялись серые панели, чьи швы были похожи на шрамы.

Балконы — отдельная «песня». На каждом втором громоздились лыжи, санки, какие-то ящики и, конечно, бельё. Простыни и пододеяльники, вывешенные на всеобщее обозрение, хлопали на ветру, как белые флаги капитуляции.

У магазина «Хлеб», выложенного грязно-жёлтой плит-

кой, змеилась очередь. Человек двадцать, не меньше. Стояли хмуро, переминаясь с ноги на ногу. Кто-то из мужиков курил, прикрывая огонёк ладонью. Две женщины громко обсуждали, что «масло опять по талонам не отоварили».

Я свернул во дворы. Детская площадка была царством железа и сварки. Горка-ракета, устремлённая в космос. Рядом качели, скрипящие на весь двор так, что зубы сводило. В песочнице, несмотря на сырость, копошилась малышня в болоньевых куртках.

Между домами, прямо на натянутых верёвках, сушились ковры. Мужики в гаражах, распахнув ворота, колдовали над своими «Москвичами» и «Копейками». Звон гаечных ключей, крепкое словцо и запах бензина мешались с запахом жареной картошки, который плыл из открытых форточек первых этажей.

Мой же дом был как и все. Слегка обшарпанный, с лужами у подъезда, которые нужно преодолевать в прыжке.

На стене дома ещё висел старый, выцветший лозунг: «Народ и партия едины!», а недалеко от соседнего дома памятник. Это настоящий Ми-2 с нанесённой на фюзеляже цифрой 158 и нарисованным чёрным дроздом — символом нашего полка.

На скамейке у третьего подъезда сидел «комитет общественного контроля» — три бабушки в пуховых платках.

— Здравия желаю! — кивнул я женщинам.

— И тебе не хворать, Саша. Из командировки, что ль? —

отозвалась она, цепким взглядом сканируя мою сумку.

— С неё самой.

— А Тося-то твоя с утра в магазин бегала, суежилась, а потом на работу убежала. Полёты сегодня с двенадцати до двадцати.

— Доклад принял, — приложил я правую руку к виску и пошёл в направлении входа в подъезд.

Я улыбнулся. Эти дворы были как большая коммунальная квартира под открытым небом. Здесь знали, кто и когда пришёл, кто с кем поругался и что у кого на ужин. А уж расписание полка на неделю и подавно.

Я взялся за холодную ручку двери подъезда и открыл дверь. Подниматься особо мне не нужно. Наша двухкомнатная квартира на первом этаже.

Я достал ключ, вставил в замок и мягко его повернул. Он провернулся в замке с мягким и знакомым щелчком. Я толкнул обитую дерматином дверь и перешагнул порог.

Квартира встретила меня тем особенным запахом, который бывает только дома: смесь полироли для мебели, сухих трав, которые Тося хранила в полотняных мешочках, и еле уловимого аромата её духов.

Я разулся, аккуратно поставив ботинки у входа, и прошёл в зал.

Здесь царил идеальный порядок, какой бывает, когда хозяйка ждёт мужа из длительной командировки. Вдоль длинной стены стояла наша гордость — югославская стенка из

тёмного полированного дерева. За стеклянными дверцами, как в музее, поблёскивал хрусталь, который доставали только по праздникам, и стопки книг с золотым тиснением на корешках.

На центральной полке, в окружении фарфоровых слоников, стояли фотографии. Чёрно-белые, с фигурными краями. Вот мы с Тосей в Абхазии — молодые и смешные. А вот я, второй раз за свои две жизни лейтенант, стою, опираясь на стойку шасси Ми-8 в Баграме. Шлем на сгибе локтя, улыбка до ушей. Ну и ещё несколько фотографий, которые напоминают о хороших днях.

Я скользнул взглядом по стене напротив. Здесь висел главный элемент в советской квартире — ковёр. Кто-то говорил, что он улучшает звукоизоляцию. Кто-то, что это признак хорошей жизни. Для меня же это просто желание моей Тоси, которая сказала: — это красиво, Саша, давай купим.

Ковёр был красным, с затейливым восточным узором. Занимал он почти всю стену, добавляя комнате того самого, советского уюта. На его фоне диван-кровать казался особенно мягким.

— Ну, здравствуй, ремонт, — хмыкнул я, когда вошёл на кухню и провёл рукой по прохладному косяку.

Кухню я закончил буквально за неделю до убытия в командировку. Это была моя личная победа над дефицитом. Светло-бежевые обои в мелкий цветочек были поклеены стык в стык, нигде не отходили. Но главным трофеем была

плитка над газовой плитой и раковиной — настоящий чешский кафель, который я правдами и неправдами «достал» за две канистры спирта. Новый линолеум на полу ещё пах складом.

На столе, накрытом клеёнкой в клетку, стояла вазочка с сушками и печеньями «Рыбками». Но самое вкусное было на плите. Ароматный борщ, от которого сводило скулы. Как бы мне ни хотелось налить себе тарелочку, но я сильно хотел повидать супругу. Только надо переодеться.

По пути в спальню, где был шкаф, я включил для атмосферы телевизор. На Первой программе вновь шли новости, в которых продолжали обсуждать ГКЧП.

— Президиум Верховного Совета СССР дал согласие на привлечение к уголовной ответственности за участие в антигосударственном заговоре народных депутатов СССР... — довела информацию диктор.

Естественно, что сейчас будут искать виноватых. До сих пор не могу понять, как столь серьёзная группа руководителей не смогла удержать власть?

Отвлёкшись от мыслей о ГКЧП, я подошёл к массивному трёхстворчатому шкафу. Открыв дверцу, почувствовал, как наружу вырвался запах лавандового мыла, которое лежало на полках от моли.

На полках полный порядок. Рубашки стопкой, уголок к уголку. Свитера и джинсы сложены рядом.

Я отодвинул вешалки с гражданскими пиджаками и за-

мер. В глубине шкафа висел мой парадный китель подполковника.

Слева «горели» золотом и рубиновой эмалью два ордена Ленина. Высшая награда страны. Рядом с ними два ордена Красного Знамени. Медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и несколько юбилейных наград создавали в целом плотную чешую.

Справа расположились четыре ордена Красной Звезды.

Я знал каждую царапину на этих орденах. И знал каждый тип машины, на котором их заработал.

Переодевшись в чистую одежду и взяв документы, я подошёл к телевизору, чтобы его выключить. Однако был вынужден остановиться.

Диктор рассказывала о событиях в одной из республик Советского Союза. И новость, прямо скажем, тревожная.

Следом показали выступление одного из политиков этой самой республики. Причём на фоне совсем не советского флага.

— Наши основные цели всем известны. Это консолидация нации, восстановление независимости, восстановление Конституции 1921 года и вывод оккупационных войск. Поэтому сегодня, 9 апреля 1991 года, Верховный совет республики под моим председательством принял Акт о восстановлении государственной независимости Грузии!

Похоже, что-то начинается...

Глава 2

Щелчок кнопки выключения телевизора прозвучал как выстрел в тишине квартиры. Экран погас, сжавшись в маленькую белую точку, но слова выступающего грузинского политика продолжали эхом отдаваться в голове.

— Странно... — произнёс я, развернувшись в сторону коридора.

Хотя, что тут может быть странного. Пока с исторической точки зрения для Грузинской ССР всё осталось как и было. Сейчас объявление независимости. Затем выборы президента. А уже потом... и вот этого «потом» бы не хотелось.

Подумав, я решил что пока рано лишать себя потока новостей, и вновь включил телевизор.

— Сегодня эти племена имеют определённые признаки нации. Но только на своей исторической родине, на Северном Кавказе, — вещал с экрана грузинский политик, стоя на ступенях республиканского Дома Правительства.

Я вышел в прихожую и присел на тумбочку, где хранилась обувь. Достав оттуда полётные ботинки, я взял обувной крем и принялся начищать их.

— Если это племя, или эти племена, осознают это, мы поможем им, но только с условием, что они восстановят историческую справедливость, уступят нам нашу землю и обустроятся на том месте, откуда пришли, — громогласно заяв-

лял грузинский политик.

Я прочитал его имя. Это был Звиад Гамсахурдия.

Пока продолжались новости, я выстраивал мысли в голове в интересные цепочки. Однако воспоминания о том как было в моём прошлом, никак не стыковались с нынешним положением вещей. Начищая нос правого ботинка, я продолжал собирать мысли в кучу.

Война в Афганистане закончилась, аварии на Чернобыльской АЭС не произошло, но внутри страны политический кризис продолжал назревать и без этих успехов. Горбачёв ушёл ещё перед Новым годом, а его место занял Русов. Пока только временно и до следующих выборов.

Казанов говорил, что этот Григорий Михайлович «агент влияния Запада». С этим Русовым установили контакт ещё во время его стажировки в Колумбийском университете в конце 50-х. Скорее всего и продвижение по карьерной лестнице на высшие посты было частью плана американцев.

Теория интересная, но сложно доказуема. При этом все действия «бригады Русова» по управлению государством очень похожи на медленные шаги по уничтожению страны.

Тут-то и непонятно, почему и в этот раз провалилось ГКЧП? Ведь всё было устроено лучшим образом. Особенно круто получилось организовать переброску советских войск в Сербию, чтобы не дать НАТО окончательно разрушить страну.

Война на Балканах и бомбардировки Белграда в этой ре-

альности начались раньше. И к счастью, закончились тоже раньше. Но раз провалилось ГКЧП, что теперь будет с войсками в Сербии?

— К другим темам. Вопрос о проведении миротворческой операции в Сербии сегодня стоял на повестке дня заседания президиума Верховного Совета СССР. Исполняющий обязанности президента Советского Союза товарищ Русов высказался за продолжение операции. Также он удостоил похвалы руководство Вооружённых сил, которое в кратчайшие сроки и в условиях кризиса с ГКЧП, смогло провести переброску войск. Однако, потребовал от нового военного руководства не вступать в боевые действия против войск НАТО...

Удивительно, что теперь Григорий Михайлович за ввод войск и хвалит новых генералов. Правда, старых решили отстранить.

— После заседания было объявлено, что новым министром обороны назначен...

Вот и пошли новые назначения после провала ГКЧП. Пока диктор зачитывала список изменений на руководящих постах в КГБ и Министерстве Обороны, я закончил с ботинками.

Сложив все мысли в кучу, я выдохнул. В прошлой жизни «парад суверенитетов» республик стал началом конца. Лавиной, которую уже было не остановить. И вот, снова. Победа в Афгане, успехи на Ближнем Востоке и Африке, Сер-

бия, деятельность ГКЧП... выходит, что мы просто выиграли время. Но в целом стратегически ситуация в стране оставалась шаткой.

— Спокойно, Саныч, — сказал я сам себе вслух. — Делай что должен, и будь что будет.

Я быстро поправил лётный комбинезон, надел ботинки, взял с вешалки фуражку, «шевретку», и покинул квартиру. Я вышел на улицу и направился в сторону КПП. Путь до аэродрома можно было пройти с закрытыми глазами.

КПП встретил меня распахнутыми воротами, через которые как раз выезжал «Урал» с дежурным по полку на проверку караула.

Дежурным по КПП оказался молодой сержант из батальона аэродромно-технического обеспечения. Увидев меня издалека, он вылетел из стеклянной будки как ошпаренный.

— Смирно! — громко крикнул он, вытягиваясь в струнку и поедая меня глазами. — Товарищ подполковник...

— Вольно, Вань. Как обстановка? — прервал я сержанта и пожал ему руку.

Пару раз мне приходилось с ним непосредственно иметь дело. Однажды всю ночь он руководил очисткой полосы машинами КПМками, чтобы на аэродром мог сесть Ан-12 с важным имуществом.

— Без происшествий. Эм... с прибытием, Александр Александрович! — улыбнулся сержант, выпрямляясь передо мной.

— Спасибо. Как семья? — спросил я у парня, вспоминая, что он до моего отъезда в Конго женился.

— Всё хорошо. Ждём ребёнка, товарищ подполковник.

— Молодцы. Давай, тащи службу, — похлопал я сержанта по плечу.

Пройдя через вертушку, я встретился лицом к лицу с двумя курсантами, выскочившими из дежурки.

— Помощник дежурного... — хором начали они представляться мне, но я также остановил их.

— Спите? — спросил я, но потом увидел на столе в дежурке тетради и раскрытую Инструкцию экипажу.

— Учимся, товарищ подполковник.

— Это правильно. Но и про службу не забывайте, — подмигнул я и пошёл дальше.

Территория 158-го полка жила своей жизнью. Здесь, за бетонным забором с колючкой, время словно замерло. Вдоль аллеи, ведущей к штабу, стояли тополя. Бордюры сияли белизной, несмотря на грязь и слякоть 1991 года.

Пройдя сотню метров, я оказался на плацу перед штабом полка. В это время взвод курсантов шёл в сторону штаба одной из эскадрилий.

На каждом шапка-ушанка, шинель серого цвета, а брюки заправлены в сапоги. Увидевший меня заместитель командира взвода в звании сержанта, скомандовал, прикладывая руку к виску:

— Смирно! Равнение на-лево!

Все одновременно повернулись в мою сторону, подбородки взлетели вверх. Чёткий печатающий шаг сотрясал бетонные плиты. Я приложил руку к козырьку, приветствуя строй.

— Вольно! — громко произнёс я и пошёл к входу в штаб.

Навстречу попался замполит полка, майор Коваленко, с неизменной папкой под мышкой.

— Александр Александрович! Вы вернулись! — расплылся он в улыбке, крепко пожимая мне руку.

— А разве могло быть иначе. Или ты меня не ждал, Рома? — спросил я.

— Что вы! Мы уж заждались. Слышали про обстановку в стране. Весь полк гудит!

— Рома, ты лучше все пересуды и разговоры пресекай. Мы служим не фамилии, имени и должности. Мы стране служим, понял?

— Конечно! Как может быть по-другому, — он посерьёзnel.

— А теперь давай рассказывай.

Коваленко, как и любой хороший замполит, был человеком принципа. Он считал что знать нужно всё, поскольку знать половину не имеет смысла.

— Запчасти со скрипом везут, но мы всё равно летаем. У курсантов наземная подготовка идёт. Планируется культурно-массовая программа на выходных. Секретарь комитета ВЛКСМ полка предложил провести дискотеку в гарнизонном клубе. Репертуар затребовал у него, так что жду, когда

мне его предоставят.

— Ну ладно тебе. Ты предлагаешь курсантам ещё и запретить слушать определённые песни? — спросил я.

Тут глаза у Коваленко на лоб полезли.

— Сан Саныч, вы бы если слышали, что они слушают на дискотеках, сразу бы меня поняли. Одна западная музыка. Иногда что-то русское играет.

— Петрович, ну не перегибай. Пускай танцуют подо что «танцуется».

Коваленко кивнул, и я попрощался с ним.

— Вы к жене? А она у себя на месте. Сегодня заходил к ней на медосмотр...

— Спасибо, Роман Петрович, — перебил я Коваленко и заспешил в санчасть.

— Саныч, минуту вашего ценнейшего и драгоценнейшего времени, — остановил меня Рома.

— Минута, время пошло, — подмигнул я замполиту.

— Александр Александрович, для одного из занятий с личным составом составляю вашу биографию. И есть маленький пробел.

Удивительно! Теперь про меня ещё и лекции будут читать. Знала бы моя первая учительница об этом!

— Какой именно пробел?

— Ваш второй орден Ленина. Хотелось бы узнать подробности, за что вы его получили.

— В личном деле есть запись? — спросил я, понимая, что

правду всё равно замполиту не скажу.

— Написано, что за заслуги в освоении новой техники...

— Вот за это и получил. Петрович, бежать надо, — ответил я и ушёл в направлении санчасти.

В личном деле ни слова не было про Сьерра-Леоне, а также никто не писал, что в 1986 году меня хотели представить к званию Героя Советского Союза. А ведь именно после Африки мне и дали второй орден Ленина. И, как это ни парадоксально, именно из-за моей пропажи для работы в Сьерра-Леоне и забылся момент с подачей меня на Героя.

Я свернул к одноэтажному белому зданию, укрытому в тени елей. Здесь пахло не керосином, а очень даже пахло хлоркой и лекарствами. На крыльце курили двое солдат с перебинтованными руками. При виде меня они поспешно спрятали сигареты за спины и вытянулись.

— Да кури уже, — махнул я рукой и вошёл внутрь.

В коридоре было тихо. Из кабинета терапевта доносился гул кварцевой лампы, а ещё дальше были слышны разговоры медсестёр в лазарете.

Пройдя влево по коридору, я остановился у открытой двери одного из кабинетов. Заглянув внутрь, я улыбнулся, увидев самого дорогого мне человека.

Тося сидела за столом, заполняя журналы. На ней был белый халат, наброшенный поверх повседневной формы прапорщика с эмблемами медицинской службы. Она что-то сосредоточенно писала, положив ногу на ногу и раскачивая

ступнёй с надетой туфлей. Светлая прядка волос выбилась из-под медицинского колпака и упала на лицо.

В кабинете пахло лекарствами и спиртом, но сейчас этот запах смешался с ароматом её духов, создавая дурманящий коктейль. Всё как в самые лучшие моменты нашей жизни.

Я задержал дыхание и тихо прикрыл за собой дверь. Щелчок замка заставил её вздрогнуть.

— Что случилось... — начала она строгим голосом, поддя голову, и осеклась.

Ручка выпала из её пальцев и покатилась по столу. Глаза распахнулись, излучая безумную радость.

— Саша...

Она вскочила, опрокинув стул, и бросилась ко мне, забыв про субординацию, про то, что мы в части, про открытые двери. Хотя... Я успел защёлкнуть дверь.

Я поймал её в охапку, прижал к груди, не в силах оторваться от её губ.

— Ты вернулся! — шептала она, и я чувствовал, как тепло начинает растекаться у меня по груди.

— Да, и я очень... сильно... тебя... хо... то есть, люблю, — сказал я, скидывая с себя куртку и сбрасывая фуражку.

— Саша, я ведь на работе, — сказала Тося.

Она подняла на меня глаза, в которых блеснул огонёк страсти, провела ладонью по моей щеке, словно проверяя, настоящий ли я.

— Ты похудел. Голодный, наверное?

— Конечно. И я сейчас кое-кого съем, — ответил я, медленно сняв халат с Тони и продолжая целовать её шею.

— Я спросить... Мы... с тобой... ох и по краю сейчас ходим. Зайдёт ведь кто-то, — продолжала шептать мне на ухо Тося, стягивая с меня куртку комбинезона, а затем и футболку.

— Первый раз как будто, товарищ прапорщик, — улыбнулся я.

Мои руки скользнули под её белый халат, нащупывая горячее тело под тонкой тканью форменной рубашки. Пальцы дрожали, путаясь в пуговицах.

— Саш... здесь... — в её голосе была слабая попытка разума остановиться, но тело говорило об обратном.

— Мне плевать, — прорычал я, подхватывая её под бёдра. Она была лёгкой, как пушинка. Я поднял её, и она инстинктивно обвила ногами мой пояс, вцепившись руками в плечи так, что, наверное, остались царапины от ногтей.

Я шагнул к столу. Журналы, стопки карт, фонендоскоп — всё это одним движением руки полетело на пол, рассыпаясь веером по линолеуму.

Я посадил её на край стола, вклиниваясь между её коленей. Её руки лихорадочно расстёгивали мой ремень и освобождали меня от штанов.

— Быстрее... — её шёпот сорвался на стон, когда мои ладони коснулись её кожи, скользя по упругой груди и опускаясь по бёдрам.

Мир сузился до размеров этого кабинета. Её запрокинутая голова, разметавшиеся светлые волосы на тёмной поверхности стола, приоткрытые губы, хватающие воздух...

Каждое движение было сначала плавным, нежным, а затем всё быстрее и быстрее ускорялось. Стол жалобно скрипел под нами, но этот звук тонул в нашем дыхании и сдавленных столах. Я смотрел в её глаза, затуманенные удовольствием, и видел в них своё отражение.

— Ох! — вскрикнула Тося, тут же закусила палец от удовольствия и откинулась назад.

В этот же момент, казалось, устали все — я, нависший над Тоней, она, и, конечно же, Николай Иванович Пирогов. Его портрет «устал» больше всех и упал со стены.

— Слушай, сколько раз к тебе приходил на работу, он всегда падает, — сказал я, восстановив дыхание.

— Он... не может смотреть... чем мы здесь с тобой... вух... занимаемся, — улыбнулась Тося, и я помог ей подняться.

Мы начали одеваться, но быстро этого не получилось сделать.

— Саш, я ж хотела... хотела... спросить хотела, — успокаивала дыхание Тося, поправляя лифчик и застёгивая рубашку.

— Да, слушаю, — ответил я, заправляя футболку.

— Да чёт... как-то забыла, — улыбнулась Тоня и нежно меня поцеловала.

В дверь деликатно постучали. Тося встрепелулась, поправляя халат и волосы, мгновенно превращаясь из любящей жены в строгого медика.

— Ускорьтесь, товарищ подполковник, — шепнула она и подошла к двери, постукивая каблуками по кафелю.

Тося открыла дверь, и в кабинет «заглянула» голова начальника медслужбы, капитана Одуванова.

— Антонина Степановна, там... товарищ подполковник! Здравия желаю!

— Приветствую, доктор.

— Мы тут... это... А я вот Антонине Степановне предложить хочу сегодня пораньше со службы уйти, — улыбнулся Одуванов.

— Благодарю. Я только к командиру схожу. Неправильно, если замкомполка в гарнизоне, а командир не в курсе.

Одуванов кивнул и выскочил обратно в коридор. Тося же подошла ко мне ближе, чтобы поправить меня.

— Иди. А я пока соберусь, — сказала она и поправила мне воротник куртки, окинув любящим взглядом.

Поцеловав её, вышел в коридор, а потом и на свежий воздух. Я сразу направился в командно-диспетчерский пункт, по привычке пружиня шагом по стыкам плит. Дорога шла вдоль основной стоянки авиатехники, и сердце невольно забилось ровнее, в такт далёкому гулу двигателей.

Я смотрел на этот строй машин и чувствовал гордость. Ведь по сути мне и командиру - полковнику Игнатьеву, при-

шлось собирать 158-й учебный вертолётный полк. Четыре года назад, здесь, было практически голое поле и старый аэродром подскока. Бетон зарос, а здания были в упадке. Когда встал вопрос о формировании Уфимского высшего военного авиационного училища лётчиков, именно мне предложили формировать новый полк.

Не сразу, но я согласился. Всё же, будущее страны не только в технике, экономике и ресурсах. Главная и самая важная инвестиция — дети и подростки. Кому, как не нам, прошедшим Афганистан и Сирию, предстоит передавать свой опыт подрастающему поколению лётчиков.

И вот теперь 158-й полк — кузница кадров с самым большим налётом в Уфимском училище.

Мой взгляд скользил по силуэтам вертолётов, которые стояли на стоянке и ждали очереди на заправку. Вот выстроились в ряд трудяги Ми-8МТ — основные «парты» для курсантов и главные «рабочие» любой войны. Чуть дальше, хищно опустив носы, замерли «крокодилы» — Ми-24. Причём нам с командиром и начальником училища удалось выбить не только Ми-24Д, а вполне свежие «П» и даже пару пушечных «ВП». А ещё нам выделили и четыре Ми-28УБ. Не самые свежие, но зато с хорошей авионикой. Пока что мы их только вводим для ознакомления для 4 курса.

По нашему мнению, курсанты должны учиться на том, на чём им придётся воевать. А воевать им придётся, я это знал точно.

Но я хотел бы увидеть ещё кое-что.

В самом конце стоянки, возвышаясь над остальными машинами, как слоны среди пони, стояли четыре исполина. Ми-6. Тяжеловесы. «Сараи», как их ласково называли курсанты.

Их наличие в учебном полку училища было нонсенсом, нарушением всех инструкций и программ подготовки. Обычно на тяжёлые машины переучивали уже в войсках, и то далеко не сразу.

Но мы упёрлись. Я знал, что транспортные вертолёты всегда будут на вес золота. И лётчики, умеющие управлять тяжёлыми машинами, понадобятся позарез.

И вот они стоят. Четыре гиганта с огромными пятилопастными винтами.

Насладившись видом техники, я подошёл к зданию КДП. Поднявшись в зал управления полётами, я молча встал у лестницы и осмотрелся по сторонам.

— 145-й, на втором...

— 146-й, третьи ворота, ветер — штиль.

Руководитель полётами не смолкал ни на минуту. Когда в воздухе двадцать вертолётов, слова не успеешь вставить.

На рабочих местах у каждого пепельница, поскольку времени выйти на перекур не всегда бывает. Экран на выносных индикаторах системы посадки ВИСП-74 постоянно забит метками от воздушных судов. А в рабочих записях у руководителя полётами всё исчеркано и исписано. Как он там

разбирается в своих условных обозначениях, непонятно.

Поздоровавшись с группой руководства полётами, я направился к командиру.

Полковник Игнатьев Пётр Алексеевич стоял у панорамного окна с биноклем в руках. Это был невысокого роста крепкий мужик с едва кудрявыми волосами. Всю жизнь он прослужил в учебных полках, а до 158-го командовал полком в Саратовском училище.

Услышав шаги, он обернулся. Его уставшее лицо озарилось улыбкой.

— Ну наконец-то! Явился, бродяга! — поздоровался он со мной и слегка приобнял за плечо.

— Здравия желаю, командир. Прибыл, без замечаний.

— Это хорошо. Как командировка?

Я мочла кивнул, но Игнатьев не стал сразу меня расспрашивать.

— Тут не поговоришь. Пошли вниз, в класс предполётных. Там сейчас пусто.

Мы спустились на два пролёта вниз по гулкой металлической лестнице. Класс предполётных указаний встретил нас тишиной, а также запахом мела и старых плакатов. Вдоль стен висели схемы аэродрома, зоны пилотирования и профили полётов. Игнатьев плюхнулся на стул и потёр лоб.

— Садись, Саш. В ногах правды нет. Ну, рассказывай. Как там... ну где ты там был?

Я присел рядом, развернувшись к Петру Алексеевичу

вполоборота.

— Жарко. И там, и там. В Африке — от солнца и влажности, а на Балканах оттого что пороховая бочка начинает тлеть. Политики воду мутят, а разгребать, как всегда нам.

Я полез в нагрудный карман кителя.

— Я тут, командир, привёз тебе кое-чего. В коллекцию.

Я выложил на стол два ярких, вышитых шеврона. Игнатьев подался вперёд, глаза его загорелись мальчишеским азартом.

— Ну-ка, ну-ка... — он бережно взял первый. — Ого! ВВС Конго?

— Конго, Алексеевич. Редкая вещь.

— Красота... — протянул полковник, разглядывая хищную кошку, вышитую чёрной нитью на жёлтом фоне. — А это?

— А это Сербия. 63-я парашютная бригада «Небесные выдры».

Игнатьев расплылся в довольной улыбке, аккуратно укладывая шевроны во внутренний карман кителя, поближе к сердцу. Для него, старого служаки, эта коллекция была отдушиной.

— Спасибо, Саня. Удружил. Правда, спасибо. А то у меня из новинок только польский шеврон, да и тот на рынке выменял.

Он помолчал, барабанил пальцами по столу. Улыбка медленно сползла с его лица, уступив место той самой устало-

сти, которую я заметил ещё на вышке.

— Понимаю, Саш, что тебе нужно отдохнуть. Я не против твоего восстановления, отпуска, профилактория и всего прочего. Но ты должен знать, проблемы у нас скоро будут не меньше, чем во всей стране.

Глава 3

Я внимательно посмотрел командиру в глаза. Подобный тон Петра Алексеевича мне был знаком — так говорят, когда ситуация дрянь, но выход искать надо, причём срочно.

Командир вздохнул, встал и открыл окно, впустив в душный класс прохладный воздух. Игнатьев сел на подоконник и достал пачку «Родопи».

— Мы 23 апреля должны начать полёты. И это будут уже не те курсантские полёты, к которым мы привыкли, — произнёс командир полка и выбил из мягкой пачки сигарету.

Пётр Алексеевич прикуривать не стал, а просто крутил её пальцами, выглядывая на улицу.

— Насколько всё серьёзно? — спокойно спросил я, без лишних эмоций.

— Серьёзней некуда, Саш. Вчера звонил начальник училища. Был не в духе. Сверху спустили директиву об «оптимизации». Хотят срезать у нас одну из эскадрилий. Вот нужно подумать, какой необходимо пожертвовать.

Слово-то какое «оптимизация»! Ещё бы про демократию написали и мир во всём мире.

Я лишь нахмурился. В полку было 4 эскадрильи. Первая занималась обучением на Ми-8, вторая — на Ми-24. Моя «любимая» третья эксплуатировала как Ми-24, так и Ми-28. Мне больше всего приходилось летать в ней, подменяя ко-

го-нибудь из лётчиков-инструкторов. Ну и четвёртая эскадрилья, в составе которой были Ми-8 и Ми-6.

— Кроме слов об оптимизации есть у командования ещё аргументы в пользу сокращения? — спросил я.

— Полно. Вот, например... я тебе даже зачитаю, — ответил Игнатъев и полез во внутренний карман куртки.

Через секунду он достал свёрнутый листок, на котором была отпечатана телеграмма.

— Ага! Значит, «избыточность парка и личного состава в условиях новой экономической реальности». Дальше читать не буду, а то начну ругаться. Возможно, даже матом, — с горечью процитировал Игнатъев.

Вспоминается цитата «классика» про экономику, которая должна быть «экономной». Похоже, что расходы на содержание баз в Афганистане, Африке, Сирии и Сербии начинают становиться неподъёмными для страны. Или нам так хочет показать некая верхушка власти.

— Понятно. Что-то ещё? — спросил я.

— Топливо. Лимиты урезают. Поставки, которые ждали на следующей неделе, задерживаются.

Полковник Игнатъев при рассказе о топливе не выдержал, достал спички. Выдохнув, он прикурил сигарету и глубоко затянулся, выпустив дым в сторону открытого окна.

— В общем, начальник училища сказал: «Крутись как хочешь, Пётр Алексеевич. Экономь. Сан Саныч пускай не унывает».

— Это мне вроде как привет передали? — спросил я.

— Можно и так сказать.

Я помолчал, обдумывая услышанное. Паниковать смысла не было, а возмущаться тем более. Это система, которая не верит слезам. Нужно было предложить то, от чего наверху не смогут отказаться.

— Сокращать эскадрилью нельзя, но и бодаться с командованием в лоб бесполезно, — твёрдо сказал я.

— И что ты предлагаешь? — Игнатьев поднял на меня уставший взгляд.

Была у меня парочка идей. Конечно, это не совсем то, чего от нас ждут, но может получиться.

— Нужно немного сменить вывеску эскадрильи, — сказал я и подался вперёд.

— Внимательно слушаю, — ответил Игнатьев, вытащил руку на улицу и затушил сигарету.

— Смотри, командир, мы дислоцируемся в Приволжско-Уральском военном округе. А какая тут есть особенность? Верно! Своей авиации почти нет. Где-то там за Уралом есть, а вот прямо здесь, рядом со штабом округа особо ничего нет. Как нет и тяжёлой транспортной авиации для переброски грузов.

— К чему ты клонишь?

— Давай выйдем на округ с инициативой. Перепрофилируем четвёртую эскадрилью. Назовём её, скажем, «Учебно-боевой эскадрилей оперативного назначения». Предло-

жим использовать наши Ми-6 для нужд округа — перевозка грузов, техники, гуманитарки. Топливо пусть выделяют под конкретные задачи округа, а не из учебного лимита. А курсантов будем натаскивать на них как на базе резерва. Так мы и топливо не будем тратить на некоторые виды подготовки. Заодно и курсантам начнём давать полёты по маршруту на внебазовый аэродром.

Игнатьев задумчиво постучал пальцами по столу.

— Хочешь сделать их хозрасчётными, по сути? Работать на округ за керосин и сохранение штатов?

— Именно. Мы сохраним людей и машины. А ещё есть мысль. Есть намётки на внесение изменений в курс подготовки. Думаю, что нужно сразу на третий или четвёртый курс давать полёты по программе Курса Боевой подготовки. Надо только связаться с управлением армейской авиации ВВС.

Игнатьев кивнул, но на этом мои предложения не закончились.

— Саныч, вижу по глазам, есть у тебя ещё предложения.

— Разумеется. В Торске всегда много дел и ёмкость слушателей там ограничена. Есть предложение переучивать выпускников училища сразу на нашей базе на Ми-28 и Ми-6. Будет что-то вроде Центра переучивания для строевых частей. Им это выгоднее, чем гонять офицеров в Центр боевого применения, который сейчас тоже перегружен. А заодно ребята будут приходить в строевые части уже переученными и сразу приступать к полётам.

— Хм... — в глазах полковника промелькнул интерес. — Центр переучивания на базе учебного полка... Это нагло, Саня. Тем более управление Армейской авиации...

— Командир, Управление и Торск я беру на себя. У меня там есть друзья.

— А с округом мы с начальником училища разберёмся. У нас с ним там есть друзья, — улыбнулся Игнатьев.

Игнатьев впервые за разговор посмотрел на меня с лёгкой улыбкой.

— Я знал, что ты что-нибудь придумаешь. Голова у тебя варит, Александр Александрович.

— Жизнь заставила. Так что, командир, пишем рапорт с предложением? — усмехнулся я.

— Пишем. Сейчас и займёмся. Роман Петрович должен с этим делом справиться.

— Ну вот что, а товарищ замполит у нас — мастер слова, — подмигнул я, и командир громко засмеялся.

Игнатьев пожал мне руку и забрал у меня документы о прибытии. Сказал, что передаст их в штабе начальнику строевого отдела, чтобы он оформил мне отпуск. Я сразу попросил, чтобы мне в отпускной вписали Москву. Возможно мне придётся съездить в «первопристольную», чтобы пообщаться со старыми друзьями насчёт программ переучивания.

Я вернулся за Антониной в санчасть и «забрал» её. Так мы и пошли медленно в сторону КПП. Солнце уже начало клониться к закату, окрашивая бетонные плиты аэродрома

в мягкие оранжевые тона. Весенний воздух был свежим, с примесью талого снега и едва уловимым запахом авиационного керосина, который для любого жителя гарнизона был роднее духов.

Даже в условиях тотального дефицита апреля 91-го она умудрялась выглядеть так, словно только что сошла с обложки журнала «Работница», но в его экспортном варианте. На ней было элегантное бежевое драповое пальто, перехваченное поясом, подчёркивающим талию, и аккуратные кожаные сапожки — предмет зависти многих жён в городке. Яркий шейный платок добавлял красок в серую палитру гарнизонных будней.

Мы с женой брели по центральной аллее, пряча руки в карманы и ёжась от сырого, пронизывающего ветра.

В эти часы в полку начиналось время романтических свиданий курсантов с девушками. Правда, со стороны всё выглядело никак обычная встреча, но романтизма было не меньше.

Мой взгляд скользнул влево, к забору, и я хмыкнул. Никакая погода этим свиданиям не помеха.

У ледяной решётки переминаясь с ноги на ногу, стоял курсант. Шинель на нём висела мешком, топорщилась на худых плечах, а рукава были длинноваты. Из жёсткого стоячего ворота торчала тонкая шея. Уши у него горели пунцовым огнём — то ли от ветра, то ли от волнения. Он вцепился в чёрные прутья, прижимаясь к металлу всем телом.

— Правда, мило? — улыбнулась Тося, когда мы проходили мимо забора, через который тянулись друг к другу парень и девушка.

Я кивнул, но старался не шуметь. Курсант, сняв шапку, в это время просовывал голову через металлические прутья, пытаюсь поцеловать молоденькую девушку.

Между прочим, настоящая модница. На ней была болоньевая курточка «дутик», явно не по сезону лёгкая и джинсовая юбка поверх тонких колготок. Нос покраснел, а начёсанная чёлка стояла колом от лака. Однако ветер безжалостно трепал остальные волосы. Она переступала в своих полусапожках, пытаюсь согреться, но от забора не отходила ни на шаг.

Они тянулись друг к другу сквозь эту проклятую решётку. Лица близко-близко, пар изо рта смешивается в одно облачко. Губы ищут губы в ледяном просвете между прутьями.

— Ой! — воскликнула девушка, отпрянув назад.

Курсант резко повернулся и вытянулся в струнку, прикладывая правую руку к виску.

— Виноват, товарищ подполковник!

— Не отвлекайся, — улыбнулся я и мы прошли дальше.

Я посмотрел дальше вдоль забора. Картина была эпичная. Вдоль всего периметра, насколько хватал глаз, темнели силуэты. Длинный ряд серо-коричневых шинелей с одной стороны и пёстрые пятна курток и плащей с другой. Парни стояли подняв воротники, девушки кутались в шарфы, но никто

не уходил. Весь забор был облеплен парочками.

— Глянь. Вот и весна пришла, называется. Пора любви!

— Да. Романтично, — прижалась ко мне Антонина.

Выйдя за КПП, она крепче взяла меня под руку, прижимаясь плечом.

— Зашла сегодня в наш военторг. Шаром покати, Саш. Хотела к ужину что-то особенное взять, а там только берёзовый сок в трёхлитровых банках. Даже «Завтрак туриста» смели, — вздохнула она, аккуратно обходя лужу.

— Не переживай. Не пропадём. Картошка и тушёнка есть. Надо к Мише заглянуть. У него всегда есть что-то особенное, — ответил я и ободряюще похлопал Тосю по руке.

— Картошка... Хочется чего-то человеческого. Фруктов бы. Слушай, а наш общий друг Миша что-то привёз из своей поездки в Латвию?

— Да?! А кто ему разрешал туда ездить? — уточнил я.

Миша Хавкин — мой товарищ по Сирии. Бортовой техник от Бога и, по совместительству, главный фарцовщик в городке. Когда формировали полк, я его встретил в Торске на переучивании на Ми-26. Тут же он стал переучиваться на Ми-6, чтобы попасть к нам. А потом развил бурную деятельность в Дежинске.

Он был коренным одесситом. Ему удалось сохранить не только характерный говор, но и ту самую жилку, которая позволяла ему находить выходы из любых ситуаций.

— Просто есть пару дефицитных вещей, которые бы мне

хотелось, а для Миши таковых не бывает, — сказала Тося.

— Ну да. Для него слово «дефицит» это лишь вызов, а не приговор, — улыбнулся я.

Тося сразу оживилась, и на её лице появилась улыбка.

— Этот и в пустыне лёд достанет. Помню, как он нам на Новый год притащил коньяк и вино. Из самой Франции! А ещё мандарины марокканские. И где только взял?

— Где взял, там уже нет, — посмеялся я. — Миша — это талант. Как он говорит: «Если ты хочешь жить, так умей вертеться, шо тот волчок на Хануку». Или его любимое: «Таки да, ситуация сложная, но кто сказал, шо мы не можем сделать из неё маленький гешефт для пользы дела?»

Тося не удержалась от смеха.

Мы свернули к нашим домам офицерского состава. Типичная пятиэтажка из серого силикатного кирпича смотрела на нас тёмными окнами подъездов.

— Слушай, давай завтра вечером к соседям сверху заглянем? К Вите с Леной. Давно не сидели, по-простому, — предложила Тося, когда я открыл перед ней тяжёлую дверь подъезда.

— К Скворцовым? Давай. Заодно с ним и поговорю об одном... деле. Только надо всё-таки Хавкина потрясти, чтоб не с пустыми руками идти.

Витя Скворцов был как раз таки командиром четвёртой эскадрильи. Ему я и хотел обрисовать план, который предложил Игнатьеву.

На следующий вечер мы поднялись на этаж выше. Скворцовы встретили нас радушно, как и положено в тесных, но дружных военных гарнизонах. Витя, крепкий, коренастый майор с уже намечающейся проседью, сразу же пожал мне руку, едва не хрустнув пальцами, а Лена расцеловалась с Тосей, тут же утаскивая её на кухню «секретничать».

В квартире Скворцовых пахло сдобой и теплом. Но главным здесь был не запах еды, а тот особый, живой шум, который создают только дети. Двое сыновей Вити — пятилетний Пашка и семилетний Димка — устроили в зале настоящие авиационные баталии. Пашка с гудением носился с пластмассовым вертолётom, а Димка строил из кубиков и диванных подушек импровизированный аэродром.

— Дядь Саш, смотрите, я «шмель»! — закричал младший, пролетая мимо меня и чуть не сбив с ног. — Пш-ш-ш! Пуск, ухожу вправо!

Я поймал его на лету, подбросил вверх, отчего он залился звонким смехом.

— Хорош «шмель». Только высоту держи, а то на провода намотаешься, — улыбнулся я, ставя мальчишку на пол.

Я смотрел на них, на этот хаос из игрушек, на их горящие глаза, и внутри что-то защемило. Не от тоски, а от острого, пронзительного желания. Я посмотрел в сторону кухни, где звенел смех Тоси, и представил, что однажды и в нашей квартире будет вот такой же шум. Топот маленьких ножек, разбросанные игрушки, запах молока и детского шампуня.

— Саныч, чего задумался? — сказал Витя, выводя меня из задумчивости.

— Мысли не вслух. Что нового расскажешь?

— Да всё как и всегда. Наземку почти закончили. На 23 апреля планируют первые полёты. В этом году у нас четвёртый курс уже летает, — сказал Витя, когда мы сели с ним на диван.

— Это хорошо, когда всё идёт по плану.

Скворцов задумался и отклонился назад.

— Саныч, не тяни. Я ж видел, насколько серьёзен Пётр Алексеевич последние дни. Теперь и ты такой же задумчивый.

Я кивнул, но меня отвлёк включённый телевизор. Там вновь говорили о ситуации в Грузинской ССР. Хотя, она уже постепенно отделялась от Советского Союза.

— На заседании Верховного Совета Грузинской ССР было принято постановление о введении поста президента республики. Также было решено провести президентские выборы 26 мая текущего года. Руководство Советского Союза в лице исполняющего обязанности Президента СССР товарища Русова высказалось за сохранение конструктивного диалога с руководством республики. Также секретарь политбюро товарищ Дельцов выступил с предложением жёсткой реакции на действия грузинских властей...

Всё идёт по наклонной. Пока что Грузия, которая ещё два года назад была стабильна в политическом плане, теперь яв-

ляется самым «жарким» местом.

— В других республиках такого нет, Саныч. Я думал, что в Прибалтике и на Западной Украине начнут бастовать. А тут в солнечной Грузии такое, — сказал Витя, покачивая головой.

Дети убежали на кухню в поисках какой-нибудь вкусной сухомятки. Как раз мы принесли им югославское печенье «Альберт» и торт «Птичье молоко». Всё из закромов Миши Хавкина.

— Пойдём на балкон, пока наши женщины стол накрывают, — предложил я.

Мы вышли на балкон. Апрельский вечер уже окутал городок сумерками. Внизу, в свете редких фонарей, были видны силуэты возвращающихся со службы офицеров.

— Ну так что там командир сказал? Он сам сегодня на совещании пока только намекнул на... перемены.

Я рассказал о грядущих возможных изменениях, и Витя покачал головой, выпуская дым.

— И что делать будете? У меня в эскадрилье четвёртый курс. Им выпускаться скоро. Если мы их сейчас посадим, кого мы в войска отправим? Смертников?

Я облокотился на перила, глядя на тёмную полосу леса вдалеке.

— Не помпажируй. Есть у нас идеи, но немного разбавить программу подготовки придётся. Если керосина мало, значит, каждый вылет должен быть на вес золота. Хватит с них

«коробочек» и простых маршрутов по линейке.

— В смысле? — удивился Скворцов.

— В прямом. Будем летать по-взрослому. По Курсу Боевой подготовки Армейской Авиации. Как в строевых полках. Сразу с боевым применением, с тактикой. Полёты на предельно малых, посадки на неподготовленные площадки, работа с грузом. Пусть учатся воевать, а не просто висеть в воздухе.

— Рискованно, Саня. Пацаны зелёные ещё. Расколотят технику, не дай Бог, — нахмурился Витя.

— Не расколотят, если учить нормально. Зато когда в часть придут, уже не будут глаза бояться. Времена сейчас такие, Витя. Тем более, твоя эскадрилья вся из бывших строевых лётчиков. Ну и я ещё к вам пойду в помощь.

— Ну уж если ты, Саныч, берёшься за дело, то я спокоен. Вообще, у меня сейчас курсанты — все толковые ребята, с огоньком. А есть... Ну, как обычно. Есть один, за которого дядя Герой Советского Союза и из самого Управления Армейской Авиации звонит постоянно. У него ещё и папа где-то в министерстве.

— Интересно. Совсем с ним не справляетесь?

— Справляемся. Только вот... он в прошлом году с трудом вылетел. Позвонили за него. Сейчас, как мне кажется, вряд ли что-то поменялось. Боится он, как мне кажется.

Странно, что только сейчас я узнаю о подобной проблеме. Видимо, паренёк летал у нас в полку, когда я был в Конго.

Вот и не застал его.

— На первые мои полёты после отпуска, запланируй меня с ним. Посмотрю на него.

— Хорошо. Ладно, пошли. А то девчонки нас потеряли. Да и запах там такой, что у меня желудок уже марш играет, — сказал Витя.

Он затушил сигарету, и мы вернулись в тепло квартиры, где был накрытый стол.

Три недели отпуска пролетели как один миг. Апрель сменил гнев на милость, и к концу месяца гарнизон буквально расцвёл. На деревьях проклюнулась первая клейкая зелень, а солнце уже не просто светило, но и по-настоящему грело, заставляя щуриться и расстёгивать верхнюю пуговицу куртки.

У курсантов начались полноценные полёты. Аэродром гудел с раннего утра до поздних сумерек. Небо над Дежинском расчерчивали дымные следы, а воздух вибрировал от непрерывного гула двигателей.

В управление Армейской Авиации я съездил весьма успешно. Хоть моего товарища Дмитрия Батырова там не оказалось на месте, но его коллеги меня выслушали и обещали помочь. А заодно и приняли во внимание мою идею про полёты по Курсу Боевой подготовки.

В Торске я тоже заручился поддержкой, так что отпуск мой прошёл продуктивно. Оставалось теперь дело за Игнатьевым и начальником училища. Им предстояло решить судьбу четвёртой эскадрильи.

В один из дней телефонный звонок разорвал тишину квартиры в шесть утра, когда даже будильник ещё спал. Требовательная трель стационарного телефона заставила меня вздрогнуть. Тоня только сонно завозилась под одеялом, пробормотав что-то неразборчивое.

Я прошлёпал босыми ногами в коридор и снял трубку.

— Слушаю.

— Спишь, Александр Александрович? — голос Игнатьева был бодрым, но с особой ноткой напряжения.

— Никак нет, командир. Уже, считай, бодрствую. Что-то случилось?

— Случилось. Точнее, случается. Нам тут «счастье» привалило, Саня. Из Управления Армейской авиации летят. С проверкой.

Я хмыкнул, прислонившись плечом к косяку.

— Плановая? Или по наши души из-за инициативы с переучиванием?

— Если бы плановая... — вздохнул Игнатьев. — Новый начальник Армейской авиации лично решил познакомиться с вверенным хозяйством. Объезжает учебные полки. Сегодня к обеду будет у нас. Так что, давай, собирайся. Форма одежды — лётно-техническая, но чтобы всё блестело, как у кота... сам знаешь что.

— Понял, командир.

Погода в назначенное время выдалась ясной и ветреной. Мы с Игнатьевым и начальником штаба стояли на краю ру-

лёжной дорожки, всматриваясь в горизонт.

— Волнуешься, Пётр Алексеевич? — тихо спросил я, заметив, как командир нервно поправляет портупею.

— Новая метла, сам знаешь, по-новому метёт. А у нас тут спецпрограмма, проекты с округом. Если зарубит с порога — всё, пиши пропало. А керосина больше не станет.

— Не зарубит. Если человек толковый, поймёт, что это единственный выход. А если дурак... ну, с дураками мы тоже умеем работать. Как его, кстати... — сказал я, щурясь от солнца, но договорить не успел.

Над лесом показалась точка, быстро растущая в размерах. Вертолёт Ми-8 через несколько секунд уже заходил на посадку. По внешнему виду перед нами был Ми-8МТВЗ. Такую модификацию я видел в Торске и даже приходилось на ней летать. Сейчас подобный вертолёт уже поставляется в войска. Ми-8 мягко коснулся бетонки метрах в пятидесяти от нас и сдвижная дверь немедленно открылась.

Винты ещё не начали замедлять вращение, поднимая тучи пыли, а из грузовой кабины уже начали выходить люди.

Первым вышел подполковник с папкой, за ним ещё один офицер в звании майора с портфелем. А потом в проёме показалась массивная фигура. Генерал-майор. Полевая форма сидела на нём как влитая, не топорщилась, не висела — видно было, что человек в ней не только по кабинетам сидит.

Он аккуратно спустился и направился к нам. Широкий шаг, уверенная осанка, но он всё равно немного прихрамы-

вал.

Игнатьев вытянулся в струнку, набирая воздух для доклада, а я... я улыбнулся и покачал головой.

Лицо генерала было мне знакомо до каждой морщинки.

— Быть не может... — выдохнул я едва слышно.

Генерал подошёл ближе, принимая доклад Игнатьева, но его взгляд скользнул по строю встречающих и остановился на мне. В суровых глазах мелькнуло удивление, которое тут же сменилось тёплой, почти мальчишеской искрой.

— Узнал? — спросил генерал.

Ещё бы!

Глава 4

Удивительно, насколько меня жизнь вот так часто сводит со старыми знакомыми. Именно с теми, кого я узнал уже после своего появления в новом для себя времени.

Дмитрий Сергеевич Батыров, а для меня просто Димон, смотрел на меня радостными глазами, щурясь от солнца. За те годы, что мы не виделись, он слегка постарел, на висках прибавилось седых волос, а в весе он слегка набрал. Килограмм пять прибавил точно.

— Так узнал или нет? — переспросил Батыров.

— Внешние изменения налицо, Дмитрий Сергеевич, — ответил я, улыбаясь в ответ своему старому другу.

Стоящий рядом Игнатьев слегка прокашлялся, намекая чтоб я соблюдал субординацию. Начальник штаба и вовсе замер, как столб. Но генерал Батыров, новый начальник Армейской Авиации, лишь широко ухмыльнулся, отчего строгие морщины у глаз разгладились, делая его лицо немного моложе.

— Ну, тогда здравствуй, Сан Саныч! — громко сказал Батыров и шагнул ко мне.

Я не стал соблюдать все уставные нормы и обращать внимание на ошарашенные взгляды свиты Димона. Он протянул мне руку, чтоб я отвесил ему «краба», а затем резко притянул меня к себе, заключив в медвежьи объятия.

— Саныч! Живее всех живых и даже не изменился, — прогудел он мне в ухо, хлопая ладонью по спине так, что, казалось, пыль выбивал из куртки.

— Чего не скажешь о Вас, Дмитрий Сергеевич! — сказал я, делая акцент на слове «вас».

— Ты когда в Москву приезжал в управление, я уехал в командировку. А мне потом сказали: «С Дежинска подполковник приехал с иконостасом на груди. Половина генералов его знает и с ним за руку здороваются». Я думаю: дай проверю, вдруг тот самый Клюковкин Саня. И ведь не обманули!

Я обнял его в ответ, чувствуя жёсткость генеральских погон под пальцами, а также запах одеколona «Командор» и неизменного аромата авиационного керосина.

Игнатьев переводил взгляд с меня на генерала и обратно, пытаясь осознать происходящее.

— Дмитрий Сергеевич, разрешите... — осторожно спросил командир полка.

Батыров повернулся к нему, моментально меняя выражение лица с дружеского на официально-начальственное, но глаза всё ещё излучали радость.

— Да, Пётр Алексеевич. Мы с товарищем подполковником знакомы ещё со службы в Соколовке. Если бы не этот человек, вы бы сейчас встречали здесь совсем другого начальника, — ответил Батыров и все посмеялись над его шуткой.

Игнатьев кивнул, а начальник штаба полка показал из-за спины Батырова мне поднятый вверх большой палец. Если

проверяющий друг твоего однополчанина, да ещё и такой друг, то разнос отменяется.

Батыров оглядел собравшихся и вернулся к рабочему тону.

— Итак, встреча встречей, а службу никто не отменял. Ведите, показывайте, чем живете.

Командир полка сделал приглашающий жест рукой и шагнул было вперёд, но Батыров придержал меня за локоть, не давая уйти за спину.

— Ты, Саныч, рядом иди. Нечего тебе в хвосте плестись. Рассказывай по ходу дела, как здесь дела обстоят.

Так мы и пошли к штабу втроём, в одной шеренге. Игнатьев слева, я справа, а посередине — начальник Управления Армейской Авиации. Прибывшие с Батыровым офицеры сначала почтительно держалась сзади, а потом разошлись по объектам, чтобы осмотреть территорию.

Я же стал осознавать, что моя поездка в Управление сработала даже лучше, чем мог рассчитывать.

— Четыре эскадрильи! И Ми-6, и Ми-28. Саня, а ты с кем насчёт них договаривался? У вас тут самый настоящий мини-Торск, — улыбнулся Батыров, когда увидел стоянку вертолётов.

— Ну не один я звонил, ездил и в бане парился, — ответил я, и Пётр Алексеевич мне подмигнул.

— Думаю, что без бани тут точно не обошлось, — кивнул Батыров, и мы продолжили осмотр стоянок.

Ветер гулял по аэродрому, трепал чехлы на вертолётках, но техника стояла ровными рядами, вычищенная и готовая к работе. Игнатьев отвечал на все вопросы Батырова, касаясь количества исправных бортов. Далее продолжили разговор о том, сколько вертолётков в ТЭЧ, каков процент износа ресурса. Батыров слушал его внимательно, то и дело уточняя информацию и обращаясь ко мне.

— Что там по твоей новой программе, которая признана экономить топливо? — спросил он, остановившись возле «двадцать четвёрки».

Я похлопал бронированную кабину «шмеля» и приготовился отвечать.

— Взлёт, круг, посадка — базовый навык, так сказать. Надо добавить в работу больше предельно малых высот и маневрирование. Есть предложение добавить больше полётов на полигон и на групповую слётанность.

— Рискованно, — заметил Дмитрий.

— Риск есть, но пускай лучше курсант впервые вспотеет здесь, над Дежинском, чем где-нибудь в горах. Предлагаю ввести элементы боевого применения сразу после вывозной программы.

Батыров прокашлялся и пошёл к следующему вертолёту. Это был один из Ми-28. Выглядел он уже устало, но потенциал и надёжность ещё сохранял.

— Не рано после вывозной? Многие не с первого раза самостоятельно вылетают, а ты им противозенитные манёвры

будешь давать, — сказал Батыров, поворачиваясь к Игнатьеву. — Вы что скажете, Пётр Алексеевич?

— Дмитрий Сергеевич, дело времени, когда нам скажут сокращать количество полётов, мы уже не сможем давать тот налёт, который был у вас и у меня в училище. Так что форсирование подготовки, хотя бы для курсантов 4 курса, оправдано.

Димон вновь повернулся ко мне. Я решил напомнить ему о моём инструкторском опыте, который он сам же и оценил в своё время.

— Дмитрий Сергеевич, ты ведь в моём опыте не сомневаешься, верно?

— Ещё бы, — усмехнулся Батыров, вспоминая, как я буквально научил его заходить на высокогорные площадки.

Осмотр стоянки мы завершили и отправились на КДП. Батыров бегло просмотрел журнал руководителя полётами, оценил обзор и оснащение рабочих мест группы руководства полётами.

Вопросов у него было много, и касались они не столько бумаг, сколько методики, по которой мы работаем.

Затем мы спустились и направились в учебный класс одной из эскадрилий. Здесь было тише, пахло мелом и старым деревом. Батыров прошёлся вдоль стендов со схемами, постучал пальцем по карте района полётов.

— Значит, уверен в своей системе, Саныч? — спросил он, поворачиваясь ко мне.

— Уверен. Эти пацаны будут летать не хуже нынешних лейтенантов из боевых полков. А то и лучше.

Новоиспечённый генерал помолчал, разглядывая меня, потом кивнул своим мыслям.

— Хорошо. На словах звучит красиво. Но есть кое-кто, кто хочет увидеть это в деле.

Батыров вдруг помрачнел. Весёлость, с которой он встретил меня на лётном поле, улетучилась. Он жестом показал закрыть дверь, чтобы мы могли поговорить без лишних «ушей».

— То есть, вы — не самая высокая инстанция? — спросил Игнатьев.

— Отнюдь. Я честно скажу, что когда мне сказали, что предложения от вашего полка и их привёз Саня лично, думать мне не пришлось. В ваших предложениях всё расписано грамотно и по делу, а идея с учебно-боевой эскадрильей оперативного назначения нашла уже отклик в главкомате. Видимо, из командования округа позвонили быстро.

— Сергеевич, не тяните, — сказал я.

Батыров кивнул и продолжил.

— А теперь о главном. Почему я вообще к вам сорвался. Дело не только в старой дружбе, Саня. И не в плановой проверке, Пётр Алексеевич, — тихо произнёс он, понизив голос.

Мы с Игнатьевым переглянулись.

— А в чём? — спросил Пётр Алексеевич.

— На государственный экзамен прибудет заместитель

главкома ВВС. И, честно скажу, настроен он... скептически.

— Насколько скептически? — уточнил Игнатъев.

— Кардинально. В Москве сейчас много разговоров за бюджет. Режут всё, что можно. И Уфимское училище у Министерства Обороны в списке «неэффективных активов». Есть мнение, что вертолётчиков слишком много и училищ для них много. Хотят либо слить с другим училищем, либо просто базу расформировать.

Я задумался. Пока Игнатъев пытался выяснить подробности, у меня уже начинал складываться пазл сокращения армии. А ведь всё было очень даже хорошо ещё несколько лет назад, когда принималось решение о формировании третьего вертолётного училища лётчиков в Уфе.

— Им нужен повод, Алексеевич. Поэтому если увидят, что сокращённая программа Саныча работает, то шанс на сохранение есть. Если покажем, что здесь готовят не просто «взлёт-посадка», а реальных боевых лётчиков в сжатые сроки и с экономией ресурсов — сможем отбиться. Не покажем — съедят.

Новая задача от Батырова выглядела не самой простой. Ведь заместитель главкома может приехать с уже готовым в голове решением. Но нужно работать.

Батыров после перерыва на обед провёл небольшую лекцию для курсантов 4-го курса. В ней он говорил о перспективах, о необходимости нашей профессии. А ещё про быстро меняющиеся реалии. К концу занятия у курсантов лица бы-

ли задумчивые и потерянные. Наверное, слова о новых реалиях так повлияли.

Основная часть нашего осмотра заканчивалась, и я с командиром предложил Батырову заняться банно-стаканным мероприятием.

— Ну что, товарищ генерал-майор. Официальная программа закончена. Есть предложение смыть дорожную пыль и копоть. Баня натоплена, веники запарены. Ты как? — тихо предложил я, понижая голос, когда мы вышли из аудитории после занятия.

Батыров расстегнул верхнюю пуговицу кителя и шумно выдохнул, глядя в окно на закатное солнце.

— А вот это, Саня, самое разумное предложение за весь день, — улыбнулся Димон.

Баня или термокомплекс — это святая святых любого полка. В нашем полку бани были в каждой эскадрилье. Но самая крутая, она же командирская, была в ТЭЧ.

Снаружи баня была неприметным кирпичным домиком недалеко от ремонтного ангара. А внутри это оазис, где стираются звания.

— Саныч, а кто организатор бани? Ты давал команду? — шепнул мне Игнатьев, когда мы садились в служебный УАЗ, чтобы доехать до ТЭЧ.

— Командир, я вызвал лучшего банщика.

— Хавкина? Он же в наряде стоит помощником дежурного по полку, — удивился Пётр Алексеевич.

Я уж думал, что придётся проговориться. Миша вообще никогда не ходил в наряды, хотя всё время был в каких-то графиках. У него была налажена система замен. Каждый раз находился человек, который за него заступал. Не за просто так, конечно, но для него это было выгоднее.

— Командир, главное, что он с нами, — улыбнулся я.

— Ну и хорошо.

Как только мы вошли в предбанник, я почувствовал, как пахнуло сосной и распаренным берёзовым листом. Миша постарался на славу.

— Хорошо здесь у вас. Я бы ещё что-нибудь горяченькое бы выпил, а то горло першит, — сказал Батыров, начиная раздеваться.

— Таки у нас тут всё хорошо с витаминами, командир. Один сплошной витамин Цэ, — обвёл Миша рукой накрытый стол.

— А... где ж тут витамин, — посмеялся Димон.

— Обижаете, командир. Смотрите, есть сальцэ, есть пивцэ, есть мясцэ... — показывал Хавкин на стол.

Батыров посмеялся, оценивая богатство стола, покрытого чистой льняной скатертью. Для этого времени убранство выглядело как витрина музея изобилия.

— Ты посмотри, Саныч. Сервелат финский, шпроты рижские... Это что, икра чёрная? Миша, ты банк ограбил или гуманитарную помощь перехватил?

Миша с хитрым прищуром и полотенцем через плечо,

скромно развёл руками.

— Обижаете, товарищ генерал. Исключительно личные связи и уважение благодарного населения. Для дорогих гостей ничего не жалко. Вот, «Жигулёвское», свежее, только с завода...

— Ну, Миша, удружил, — поблагодарил Димон Хавкина. Игнатьев пригласил всех к столу. Прибывшие с Батыровым офицеры ещё держались в стороне и как-то немного стеснялись. То ли нас, то ли слишком расслабленной атмосферы.

— Так, не кидайте брови на лоб. Проходите, товарищи, — подталкивал их Миша к столу и показывал, где им раздеваться.

— Да я... тоже простыл. Мне бы лекарство... — спросил у Миши один из подчинённых Димона.

— Уважаемый, а шо такое! Это ж на столе и спирт, и водочка стоит. Самые полезные продукты, — ответил Хавкин

— Не совсем, я так скажу, — ответил он же.

Миша пожал плечами, и жестом предложил мне решить вопрос.

— Вы не переживайте. Во всех микстурах основное действующее вещество — спирт. Именно он снимает простуду. Всё остальное — вкусовые добавки, — ответил я.

Парились мы от души. Жар в парной стоял такой, что уши сворачивались в трубочку. Димон и остальные гости только кряхтели от удовольствия, когда их охаживали дубовыми ве-

никами.

Разговор тѣк ленивый, тягучий. Вспоминали Афган, жару Баграма, пыльные бури Сирии. О политике старались не говорить — тошно было. Говорили о детях, о том, кто где сейчас из наших, кого уже нет.

Когда вышли из бани, на город уже опустилась густая весенняя ночь. Воздух был свежий, влажный, пахло талым снегом и мокрой землёй. Димон немного потерял ориентировку и сразу чуть было не попал «в левое вращение», не удержавшись на ступеньке.

— Дмитрий Сергеевич, нас машина ждёт в гостиницу... — сказал один из подчинённых Батырова, но он отмахнулся от него.

— Отставить машину. Пешком дойду. Тут идти-то... Сanya, а далеко идти?

— Да минут пятнадцать, через сквер, — ответил я, подставляя плечо слегка пошатнувшемуся другу.

— Ну тогда пошли. А то мы сейчас эти... как его... станем...

— Грязными? — уточнил я.

— Не-а. Ну кто пьёт, а ему мало, — спросил Батыров.

— Малопьющие, — ответил я.

— Молодец! — сказал Димон, обнимая меня.

Пётр Алексеевич тоже был несколько потерян. Он не сразу вышел из бани, но потом выход, всё же нашёл.

— Так, на работу мы уже опоздали, верно? — спросил

Алексеевич.

— Мда, командир. Значит, уйдём пораньше, верно? — уточнил я и Пётр Алексеевич кивнул.

Командир отправился на машине... по своим делам, о которых я у него не уточнялся. Подчинённых Батырова мы тоже отправили в гостиницу, а сами пошли не спеша, вразвалочку. Хмель приятно шумел в голове, но ноги держали крепко. Апрельская грязь чавкала под ботинками, но нам было всё равно. Мы были ещё молоды, живы, и рядом шло надёжное плечо.

— Хорошо у тебя тут, спокойно. В Москве сейчас суета, митинги, грызня. А здесь будто время застыло, — заметил Димон, глядя на тёмные окна пятиэтажек.

— Всё пройдёт, — ответил я, поддерживая его под локоть на скользком участке.

Тут у меня родилась в голове мысль, поражающая своей уникальностью. Я и забыл, что Тося сказала, чтоб Батыров обязательно зашёл к нам за гостинцами детям.

— Так, товарищ генерал, я забыл, что нам нужно зайти ко мне домой.

— На рюмку... просто рюмку? — спросил Батыров.

— Эм... да. На рюмку, рюмку, ну а там посмотрим.

— Не возражаю.

До моего дома добрались без приключений. И уже в подъезде нас встречал очень сурового вида человек.

Антонина Степановна, моя жена, в домашнем халате, с

полотенцем в руках, стояла у входа в квартиру и ждала нас.

Она прищурилась, разглядывая высокую фигуру в кожаной куртке и генеральской фуражке.

— Явились, голубчики. А я когда сказала за гостинцами прийти? — поставила она руки в боки, но на её лице всё так же сияла улыбка.

— Антонина Степановна! Докладываю, старший лейтенант... капитан... майор... короче Батыров, на медосмотр прибыл, — вытянулся Димон, расплываясь в улыбке.

Он попробовал изобразить галантный поклон, но едва не слетел по лестнице вниз. Тося рассмеялась и, ничуть не смущаясь его генеральских звёзд, обняла его.

— Тосенька, душа моя, — начал я, чувствуя прилив энтузиазма. — Мы тут с Дмитрием... Димоном, короче, решили, что встреча требует... так сказать, логического продолжения.

На этой фразе мы и ввалились в квартиру. Тося смирла нас взглядом опытного полкового врача, мгновенно оценив степень нашего «утомления». Она решительно подошла, взяла нас обоих под руки и моментально сняла верхнюю одежду.

— Так, бродяги, вы уже достаточно «напродолжались».

— Эм... а у нас там в серванте вроде коньяк стоял? — спросил я.

— Никакого коньяка, товарищи офицеры, — отрезала она тоном, не терпящим возражений. — Посмотрите на себя,

красные как раки после бани. Давление мерили?

— Дорогая, нельзя так судить о людях только по перегару.

— Тося, ну за встречу... — попытался вставить слово Батыров.

— За встречу будет чай. Крепкий, с лимоном и травами. И спать, — она усадила генерала на диван. — Дима, тебе постелю в зале, на раскладном. Саня, марш на кухню чайник ставить.

Мы переглянулись и безропотно подчинились. Спорить с Антониной Степановной было бесполезно, будь ты хоть маршалом авиации.

Через десять минут мы сидели на кухне, пили обжигающий, ароматный чай из больших кружек. Хмель потихоньку отступал, сменяясь приятной сонливостью. Тося сидела с нами, расспрашивала Диму о семье, о жизни в Москве, вспоминали общих знакомых по Соколовке.

— У Светы всё хорошо. Дети в порядке. Вам привет передают. Всё вспоминаем вашу свадьбу. Я бы повторил, кстати, — улыбнулся Димон.

— А почему бы и нет. Закатим на десять лет, — улыбнулся я, обнимая Тосю.

— Всё мальчишки, отбой. Дима, постельное бельё свежее, полотенце на спинке стула. Очень рада, что зашёл. Я детям подарки оставила в прихожей.

— Конечно, возьму. Спасибо! — поблагодарил Димон.

Тося поцеловала меня в щёку и ушла в спальню, оставив

нас на кухне.

Я взялся за ручку двери и прикрыл её, чтобы не мешать Тосе отдыхать нашими разговорами. Димон крутил в пальцах пустую кружку, разглядывая чайники на дне.

— Что-то не так? — спросил я.

— Есть у меня к тебе просьба, Саш. Личная. Как к другу.

— Говори, — ответил я и сел напротив, внимательно глядя на него.

— У вас в полку, в четвёртой эскадрилье, курсант есть. Петрухин Александр Александрович. Это племянник мой, сын сестры.

Я удивлённо вскинул брови. Тёзка! Да это тот самый, о котором говорил мне комэска Витя Скворцов. Этот курсант был «проблемным».

— Знаю, что он звезд с неба не хватает. Я потому и молчал. Не хотел светиться, звонить кому-то, просить. Ты же знаешь, как к таким относятся. Сразу начнут либо в задницу дуть, либо гнобить за спиной.

— Тебе нужно, чтобы я с ним полетал?

Генерал тяжело вздохнул и кивнул.

— Сестра все уши прожужжала. «Присмотри, помоги». А как я помогу из Москвы? Но если увидишь, что полёты не его, что мучается парень — скажи мне честно. Я его сам спишу, но убиться не дам.

Скворцов вообще-то, говорил что парень немного боится чего-то. Неуверенный в себе.

— Добро. Присмотрю за ним.

Мы помолчали. За окном шумел ночной ветер. Но у меня к Димону был вопрос.

— Дим, а что в Москве говорят? Про Грузию.

Батыров криво усмехнулся. Лицо его стало серым и усталым.

— А ничего не говорят, Саня. В том-то и беда. Всем плевать. В ответ — тишина. «Не нагнетайте», говорят. Политическое решение, мать их.

Он махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху.

— Ладно. Не будем о грустном на ночь глядя. Спать давай, — предложил я, и мы вышли из кухни.

Утром всё завертелось в привычном темпе. Батыров, коротко попрощавшись и ещё раз крепко пожав мне руку, улетел на служебном борту дальше по своему маршруту.

На следующий день я вышел на службу.

На предварительной подготовке я вызвал к себе лётчика-инструктора, в чьей группе летает Петрухин. Даже бы если меня не просил Батыров за него, в любом случае парню надо помочь. Либо доказать, что он может летать и помочь обрести уверенность, либо уберечь от гибели и списать по «нелётке».

Я смотрел в окно из своего кабинета, наблюдая, как на аэродроме готовят к вылету Ми-6. Первые задачи от округа уже пошли, а с ними и топливо за их счёт под эти дела. Как раз сейчас двое курсантов будут выполнять полёт по марш-

руту, поочерёдно садясь на место помощника командира.

Чайник в углу закипал в этот момент, а по телевизору вновь шли новости. Не самые хорошие, надо сказать.

— Сегодня состоялась встреча исполняющего обязанности президента СССР товарища Русова и председателя Верховного Совета Грузинской ССР товарища Гамсахурдия. По итогам встречи представитель Грузии обещал, что референдум о независимости республики будет отложен. Между тем председателю Верховного Совета Грузии теперь будут предоставлены широкие полномочия в законодательной и исполнительной сферах. Он будет иметь право накладывать вето на законы и распускать Верховный совет, выпускать указы, создавать административные районы, а также получал широкие полномочия в управлении автономными республиками.

Значит, пока Грузия в составе СССР, но зато теперь есть вероятность политического давления на Абхазию. Начинается большой передел власти на местах.

В дверь постучались, и на пороге появился старший лейтенант. Это был лётчик-инструктор, который и привёл мне нужного курсанта.

— Товарищ подполковник, представляю вам курсанта Петрухина, — негромко произнёс старлей, подойдя к столу.

Я пожал руку лётчику-инструктору и направился к Петрухину. Парень вздрогнул и вытянулся:

— Товарищ подполковник... — начал представляться

Петрухин, но я остановил его и пожал руку.

— Да я уже знаю, кто ты, тёзка. Завтра лечу с тобой я.
Зона, упражнение 4. Простой пилотаж. Готовься.

— Есть... — выдохнул он, смотря на меня взглядом, в котором смешались ужас и обречённость.

Глава 5

Тишина в кабинете больше всего давила именно на Петрухина.

Мой тёзка мял швы своих брюк. Глаза его бегали по моему столу. На лбу выступила испарина, хотя в кабинете было прохладно. Картина «предстартового мандража» налицо. Только вот лететь нам завтра, а трясёт его уже сейчас.

— Замёрз, Сан Саныч? — спросил я.

— Никак нет, товарищ подполковник! — громко ответил Петрухин, как будто мы на митинге, а не в помещении.

У меня даже в ушах зазвенело от такого громкого ответа.

— Голосистый. Ну а чего дрожишь, Петрухин? Я не кусаюсь. Обычно, — спокойно спросил я.

— Никак нет... не дрожу, товарищ подполковник, — чуть тише ответил курсант, пытаясь выпрямиться по стойке смирно, но получилось это как-то скованно.

Если не сказать, «деревянно». Я внимательно разглядывал стоящего передо мной парня. Высокий, худощавый, нос с лёгкой горбинкой. Если честно, сходства с Димом не прослеживалось. Хотя, одно всё же есть между ними «равно» — у обоих есть весьма большие проблемы с техникой пилотирования. Если судить по характеристике командира эскадрильи Саши Петрухина, то у него они были не малые.

Пока что знакомства у нас не выйдет. Так что, я решил не

мучить парня раньше времени.

— Иди, готовься, — отпустил я Петрухина.

— Есть! — с нескрываемым облегчением выдохнул курсант, неуклюже развернулся через левое плечо и быстро вышел из кабинета.

Дверь за ним закрылась, и в кабинете вновь повисла тишина, нарушаемая лишь гулом далёких двигателей с аэродрома. Я перевёл взгляд на старшего лейтенанта Ковалёва, его инструктора.

Это был толковый лётчик. Спокойный и рассудительный. Если уж он не может найти подход, значит, случай действительно тяжёлый.

— Присаживайся, Илюха. Рассказывай. Как есть рассказывай, без прикрас и субординации. Что с ним не так? — кивнул я на стул.

Старлей тяжело вздохнул и сел. Я отошёл к чайному столу и разлил заварку на две кружки. Илья знал, что у меня всегда так — если кто-то пришёл на разговор, не напоенным не уходит. Как и в эскадрильях. Гостеприимство — одно из моих требований к подчинённым.

— Сан Саныч, да я уж и не знаю, что с ним делать. Парень-то он неглупый. В теории — ходячая энциклопедия. Аэродинамику знает, РЛЭ цитирует страницами. Но как только в кабину садится, как подменили. Мы и пеший по лётному с ним ходим, и после полётов с ним обсуждаю. Не выходит.

— Боятся? — уточнил я.

— Боятся. Но не высоты, а... ошибки, что ли. Он за ручку хватается так, что костяшки белеют. Движения резкие, дёрганные. Вертолёт раскачивает, и он сам же начинает пугаться ещё больше. А отклонения исправляет судорожно. Петрухин меня будто не слышит. Весь в себе, глаза стеклянные.

Мы начали пить чай и продолжили общение. Со слов Ковалёва, и командир звена, и заместитель комэска с ним летали. Результат прежний. А ведь Петрухину в этом году выпускаться.

— Робот, значит. Инструкцию выполняет, а полёта не чувствует, — задумчиво произнёс я.

— Точно так. Если честно, «деревянный» он, Сан Саныч. На висении его болтает, на кругу высоту не держит, всё время в приборы пялится, а землю не видит. Я уже и кричал, и успокаивал, и по рукам бил — бесполезно, — перешёл на неофициальный тон инструктор.

Я барабанил пальцами по столу. Ситуация была яснее некуда. «Синдром отличника», помноженный на неуверенность. В принципе, всё как и у Батырова.

Такие парни, привыкшие всё делать правильно по книжке, теряются, когда понимают, что воздух — это живая стихия, и одной формулой тут не обойдёшься.

— Что предлагаешь? — спросил я.

— Вух, ну тут двух мнений быть не может. Не его это, — ответил Ковалёв.

Я отпил чай, продолжая постукивать пальцами. Даже если бы Петрухин не был родственником Димона, я бы всё равно на нём крест не ставил.

— Списать, значит? — уточнил я.

Ковалёв напрягся. Он знал, что для меня сама мысль списывать курсанта, не испробовав все варианты, неприемлема.

— Я знаю, что вы скажете, Сан Саныч, — опустил старлей голову.

— Да. Каждый списанный курсант это и наша с тобой недоработка. Значит, мы плохо учим. Помнишь, что я вам на сборах всегда говорил и говорю?

— Да. Мы с вами должны уметь и медведя научить летать на третий класс минимум, — ответил Илья.

— Да. Хотя бы с «правой чашки», — улыбнулся я. — Давай так. Завтра я с ним слетаю. Посмотрю своими глазами.

— Как скажете. Только осторожнее с ним на посадке. Он шаг может так дёрнуть, что лопасти в узел завяжет, — кивнул старлей, но в глазах его не было уверенности в успехе.

— Учту.

Ковалёв поблагодарил меня за чай и вышел. Я подошёл к окну, наблюдая как Ми-6 вырубивал для взлёта. Разбежавшись по бетонной полосе, он плавно оторвался и начал набирать стандартные для выхода на маршрут 300 метров.

Завтра предстоял интересный день. Научить летать можно и обезьяну. Но научить летать того, кто боится собственной тени — задача сложнее. Хотя, я с такими в Дежинске

уже сталкивался.

Я подошёл к своему ядовито-жёлтому «Шилялису» и сделал чуть громче. Среди назойливого бубнежа про успехи демократии и предстоящие выборы, я не услышал чего-то интересного. Уже было желание выключить телевизор, но вдруг мой слух зацепился за резкую, гортанную речь. Интонация была совсем не такой, как у дикторов центрального телевидения — в ней звенел металл и скрытая угроза.

Я немного прибавил звук.

На экране, в окружении плотного кольца соратников, выступал человек в военной форме, но без погон. На голове папаха, сдвинутая на затылок, а под носом аккуратные усы. Взгляд колючий и пронзительный. В титрах значилось: председатель исполнительного комитета Чеченского национального съезда Джохар Дудаев.

— Нам говорят о демократии, о перестройке, но мы видим только новые цепи. Чеченский народ сам выберет свою судьбу.

В следующей вставке показали скопление людей на площади в Грозном. Зелёные флаги, транспаранты, вскинутые кулаки.

Похоже, что господин Дудаев уже «дембельнулся» из армии и начал свою политическую карьеру.

Удивительно! Был генерал-майор авиации, командовал дивизией тяжёлых бомбардировщиков в Тарту. Боевой офицер и ветеран Афгана. Серьёзный мужик, а тоже в политику

подался.

Я выключил телевизор и сел писать подготовку к завтрашним полётам. Её за меня никто не напишет.

Утро на аэродроме встретило меня пронзительным апрельским ветром и родным, ни с чем не сравнимым запахом выхлопных газов с керосином. Бетонка ещё хранила ночную сырость, но солнце уже начинало припекать, обещая ясный день.

Я шёл с Витей Скворцовым к «восьмёрке», на ходу застёгивая молнию на кожаной куртке-«шевретке».

— Сань, в прошлом году наш выпуск опять не собрался. Надо уже менять тенденцию, — говорил мне Витя.

Скворцов, как оказалось, был с моим реципиентом «однокашниками». Так что теперь и я с ним тоже побратался. Что касается звания, то Витя переходил в своё время старшим лейтенантом, так что пока до подполковника согласно своей должности не дорос.

— Надо. На чьей базе предлагаешь собраться?

— Да хоть на нашей. Выберемся летом на реку. Хавкин нам организует турбазу на Волге...

— Миша в прошлый раз организовал встречу выпускников для Игнатьева. Я потом долго уверял его жену и жён других его однокашников, что у нас боевая тревога в связи с учениями «Азия-90».

— Да? А когда такие были?

— Вот именно, что никогда. А мужики участвовали, —

улыбнулся я.

Мы разошлись с Витей недалеко от стоянки моего Ми-8. Возле борта с номером «42» меня уже ждали. Старший лейтенант Ковалёв и курсант Петрухин встали по стойке смирно, заметив моё приближение. Оба были в таких же камуфлированных комбезах, что и я. На Петрухине он сидел мешковато, словно с чужого плеча, а на Ковалёве как влитой. У каждого на ногах тяжёлые, но удобные полётные ботинки.

— Товарищ подполковник! Представляю вам курсанта Петрухина. Тренаж в кабине проведён, документация...

— Вольно. Привет, — пожал я руку Илье и перевёл взгляд на курсанта. Петрухин стоял бледный, вытянувшись в струнку. Он смотрел строго перед собой, но в его глазах читалось дикое напряжение.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — гаркнул он, чуть не сорвав голос.

— Да не кричи. Здорово, — махнул я рукой и тоже поздоровался с ним за руку.

Пока Илья давал последние указания Петрухину, я прошёл мимо них к вертолёту, где возились техники.

У открытой сдвижной двери стояли двое: старший прапорщик Володя Синицын, техник вертолёта и бортач Ваня Исаев. Увидев меня, они оторвались от формуляров.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — улыбнулся Володя, вытирая ветошью руки.

— Привет, мужики. Как аппарат? Не кашляет? — поздо-

ровался я с каждым.

— Как часы, Сан Саныч. Все регламенты выполнены, заправлен, к вылету готов.

Я отдал сумку с гарнитурой Ивану, чтобы он её подключил, а сам подошёл ближе к Синицыну.

— Володь, как дома? Как мама себя чувствует?

Лицо техника сразу стало серьёзным, в глазах мелькнула тёплая искра.

— Спасибо, Сан Саныч, лучше. Гораздо лучше. Врачи в Куйбышеве сказали, вовремя успели. Если бы не вы тогда...
— он запнулся, подбирая слова.

Я хлопнул его по плечу. Как раз тогда я остался за командира, и нам пришлось быстро доставлять маму Володи в Куйбышев. Ночь бы она не пережила. Так что пришлось лететь в дождь.

— Брось. Мама это самое дорогое.

— Да уж, я ту ночь на всю жизнь запомнил. Дождь стеной, темень... А вы плюнули на инструкции, зашли прямо на стоянку у Центральной больницы. Хирург потом говорил, что ещё час и всё, не спасли бы...

— Ну будет, Володь. Маме привет передавай.

— Обязательно! Она за вас свечку каждый раз ставит.

Я улыбнулся и повернулся обратно к Ковалёву и Петрухину.

— Так, Илья Борисыч свободен. Иди к своей группе, занимайся с остальными.

Инструктор удивлённо моргнул, явно не ожидая, что его так сразу отпустят, но спорить не стал.

— Есть, товарищ подполковник. Разрешите идти?

— Иди.

Когда Ковалёв удалился, я остался наедине с курсантом. Петрухин выглядел так, будто его оставили в клетке с тигром.

— Ну что, Александр Александрович. Предполётный осмотр выполнил?

— Так точно! Осматривал.

— Плохо, значит, осматривал, если так неуверенно говоришь. Пошли, ещё раз пройдем.

Я жестом пригласил его следовать за мной. Мы начали обход с носовой части. Я шёл не спеша, касаясь ладонью холодного металла фюзеляжа.

— Запомни, Петрухин. Вертолёт — он живой. Пока ты к нему как к куску железа относишься, он тебя слушаться не будет. Ты его должен чувствовать задницей, спиной, кончиками пальцев. И он также будет тебе отвечать.

Мы подошли к стойке шасси. Я проверил выход штока и пошёл дальше. Обошли хвостовую балку и заглянули в лючок. Далее проверили рулевой винт и убедились, что сняты чехлы с приёмников воздушного давления.

— И не забывай всегда благодарить за вылет. Как людей, так и вертолёт, — погладил я остекление кабины.

— Понял, — кивнул Петрухин, и мне показалось, что пле-

чи у него чуть-чуть распрямились.

— Тогда вперёд, в кабину.

Мы забрались в кабину. Привычный, тесный мирок, пахнущий кожей и металлом. Я занял правое кресло, а на командирское сел Петрухин. Ваня Исаев привычно устроился на своём месте в проходе.

Запуск прошёл штатно. Прогудела вспомогательная силовая установка. Затем, наполняя кабину вибрацией и мощным гулом, поочерёдно ожили двигатели. Лопастى несущего винта лениво провернулись, а затем слились в прозрачный, сверкающий на солнце диск. Стрелки приборов заняли свои рабочие сектора.

Я откинулся на спинку кресла, демонстративно расслабив руки на коленях, хотя ноги мягко легли на педали, а левая рука была в сантиметре от рычага шаг-газ.

Пока я подгонял привязные ремни и подключал «фишку», чувствовал на себе взгляд. Повернув голову, я увидел, что Сашка смотрит на меня во все глаза. В этом взгляде было уже не то испуганное оцепенение, что в кабинете, а какая-то щенячья преданность и нескрываемое восхищение.

— Петрухин, — мой голос в наушниках прозвучал громко и чётко.

Курсант вздрогнул.

— Я, товарищ подполковник!

— Ты чего на меня уставился, как на икону? Я не красна девица, любоваться тут нечем. Ты на приборную доску смот-

ри. Она тебе сейчас гораздо больше интересного расскажет. Температура, давление, обороты — вот твои лучшие друзья на ближайшие сорок минут.

Я перегнулся через центральный пульт и ободряюще хлопал его по плечу. Жест был простой, но я почувствовал, как мышцы под его комбинезоном, натянутые как струны, чуть расслабились.

— Расслабься, Саня. Мы просто работаем. Зачитывай карту контрольных докладов.

— Понял, карту!

Все доклады «прописали» на магнитофон, и пришло время выруливать.

— Запрашивай, — кивнул я курсанту.

Петрухин нажал тангенту радиосвязи.

— Снабженец, я 441-й, запуск произвёл, карту выполнил, предварительный.

Голос у него дрогнул лишь на секунду, но фразу он закончил ровно.

— 441-й, я Снабженец, разрешил, — отозвался руководитель полётами.

— Группе руководства, добрый день от 002-го, — быстро поздоровался я в эфир.

— Приветствуем!

Я специально отвернулся к блистеру, делая вид, что меня безумно заинтересовал проезжающий вдалеке топливозаправщик. Пусть тёзка думает, что я ему полностью доверяю.

Но периферийным зрением я цепко следил за каждым его движением.

Вертолёт качнулся и мягко покатился по бетонке. Петрухин вёл машину аккуратно, стараясь держать линию разметки. Он не дёргал ручку, и это уже было хорошим знаком.

— 441-й, карту выполнил, взлёт с транзита в зону, — доложил он, когда мы замерли в начале транзитных ворот на магистральной.

— 441-й, взлетайте, зона 2.

— Понял, — выдохнул Петрухин, больше для себя, чем для меня.

Я продолжал играть роль пассивного наблюдателя. Сейчас будет один из самых сложных элементов — отрыв и висение.

— Так, взлётный курс 135° . Отход на первом развороте, — проговорил Петрухин по внутренней связи.

— Верно. Там за нами очередь. Не задерживай, — сказал я, намекая, что на магистральной уже выстроились несколько бортов.

— П... понял, — ответил Саша и начал поднимать рычаг шаг-газ.

Обороты выросли. Гул двигателей стал плотным и давящим на уши. Вертолёт задрожал, готовый оторваться от земли. Петрухин ещё потянул «шаг-газ» вверх.

«Восьмёрка» неохотно оторвала колёса от бетона. Сначала левое, потом правое. Нас качнуло. Курсант дёрнул ручкой вправо, парируя крен, но слишком резко. Вертолёт мотнуло

обратно.

«Спокойно, не вмешиваться», — приказал я себе.

А Ми-8 продолжало качать, но в пределах эксплуатационных ограничений. Петрухин, закусив губу, чуть задержал ручку. Машина с трудом, но замерла на высоте трёх метров. Висение у парня совсем не получилось.

Тут Саня отклонил ручку от себя так, что я только и увидел перед собой серый бетон. В последний момент, я успел слегка придержать ручку, чтобы мы не «клюнули» носом.

Пока вертолёт разгонялся, я поглядывал за Петрухиным. Он, в отличие от меня, смотрел только на приборы. Ещё немного и носом уткнётся в авиагоризонт.

— Параметры в норме? — спросил я спокойно, нажав кнопку СПУ.

— В норме. Температура газов, давление масла в норме, обороты... — скороговоркой говорил Саня, бегая глазами по приборам.

— Хорошо.

Петрухин попытался плавно взять ручку на себя, чтобы вывести вертолёт в горизонтальный полёт. Вышло не очень. Мы чуть было «горку» не сделали, но тоже в пределах ограничений.

— 441-й, на первом, 300. Выход во вторую, — доложил Саня.

— 441-й, разрешил во вторую с набором, — ответил ему руководитель ближней зоны.

— 441-й, понял, 800.

Мы шли в наборе высоты, но полёт этот больше напоминал езду по ухабам на телеге с квадратными колёсами. Вертолёт трясло и подёргивало. Я скосил глаза на приборную доску: стрелки пилотажно-навигационных приборов плясали джигу. Авиагоризонт «гулял» по крену, вариометр нервно дёргался то вверх, то вниз, показывая то плюс пять, то ноль метров в секунду.

Петрухин боролся с машиной, как с диким зверем. Его правая рука судорожно сжимала ручку управления, совершая массу лишних, мелких и резких движений. Он пытался поймать каждое колебание, но запаздывал, и вместо стабилизации только раскачивал вертолёт ещё больше. С лица курсанта уже лился пот, хотя в кабине было нежарко.

Я терпел минуту, вторую. Смотрел на стиснутые челюсти парня, на побелевшие костяшки пальцев. Если сейчас не вмешаться, он себя загонит в панику.

— Саня, выдохни! Ты её душишь. Расслабься, — произнёс я спокойно.

Мой голос в наушниках прозвучал мягко, но настойчиво. Я аккуратно, едва касаясь подушечками пальцев, положил руки на органы управления, а ногами чуть дотронулся до педалей.

— Не бросай управление, просто ослабь хватку. Чувствуешь мои руки? — проговорил я.

— Т-так точно... — прохрипел Петрухин.

— Давай вместе. Не бойся ты её, это же «пчёлка». Самый надёжный вертолёт в мире. Она сама лететь хочет, ты ей просто не мешай.

Под моим едва ощутимым воздействием движения ручки стали мягче.

— Девушка есть у тебя? Как её зовут?

Щёки парня под шлемофоном слегка порозовели.

— Есть. Лена зовут.

— Красивая?

— Очень.

— Вот и представь, что ты с ней. Смотри... Чуть-чуть от себя... Вот так. Крен убери... Плавно, плавно, как Леночку гладишь... Триммером сними нагрузку. Щёлк-щёлк... Вот.

Амплитуда колебаний уменьшилась. Стрелки приборов, наконец, перестали метаться и замерли в нужных положениях. Гул двигателей стал ровным, монотонным.

— Ну вот, видишь? Летит же. Сам летит. Ты сейчас практически ничего не делаешь, просто придерживаешь. Почувствовал баланс?

— Вроде... да, — неуверенно отозвался курсант.

Вертолёт выровнялся, но сам Петрухин оставался напряжённым, как сжатая пружина. Он сидел, втянув голову в плечи, ожидая подвоха от неба в любую секунду.

Так дело не пойдёт. Зажимы надо снимать, иначе он через полчаса выдохнется.

И я запел. Прямо в эфир внутренней связи. Громко, мо-

жет, не совсем попадая в ноты, но с душой:

— Американ бой, американ джой! Американ бой фор олвейз тайм. Американ бой, уеду с тобой...

Петрухин от неожиданности дёрнулся и повернул ко мне голову. Глаза у него стали круглыми, как блюдца.

— Уеду с тобой. Москва прощай! — продолжал я, покачивая головой. — Чего смотришь? Подпевай! Или слов не знаешь?

— Знаю... — растерянно пробормотал он.

Бортовой техник пытался сдерживать смех, но получалось у него с трудом. Ваня знал, что у меня порой нестандартный подход к обучению.

— Ну, петь не заставляю, но слушать придётся.

Я убрал руку с управления, полностью доверив вертолёт ему. Выполнили мы разгон и торможение в процессе полёта в зону. Вроде бы неплохо.

— Скажи-ка мне, Александр, ты футбол любишь?

— Футбол? — Петрухин окончательно сбился с толку. Мы висели на высоте триста метров, под нами проплывали поля и перелески, а инструктор спрашивает про футбол. — Ну... люблю. Немного.

— И за кого болеешь?

— За «Спартак», товарищ подполковник.

— О! Тут мы с тобой расходимся. А я вот думаю, в этом сезоне мой «ЦСКА» выиграет чемпионат? Как считаешь?

— Не-а, «Спартак». У них сейчас состав сильный. Мосто-

вой, Радченко, Черенков вернулся, — голос курсанта стал чуть живее.

М-да, не хотелось бы его расстраивать. Чемпионат СССР в 1991 году выиграет ЦСКА. Надеюсь, это будет не последний чемпионат Великой страны.

— Посмотрим. А музыку какую слушаешь? Что сейчас в моде у молодёжи? «Ласковый май» поди?

Петрухин даже фыркнул.

— Ну какой «Ласковый май», Сан Саныч. «Кино», «Наутилус». Рок!

Я заметил, как его плечи опустились. Он перестал впитаться взглядом в авиагоризонт и начал поглядывать по сторонам, на землю. Рука на ручке управления расслабилась, движения стали скупыми, автоматическими. Мозг переключился на разговор, а тело вспомнило наработанные рефлексy.

— Цой жив, это точно. Уважаю, — кивнул я.

Петрухин вдруг осознал, что мы летим ровно, спокойно, и я даже не касаюсь управления. Он посмотрел на свою руку, лежащую на ручке, потом на горизонт, и впервые за всё время на его лице появилась слабая, неуверенная улыбка.

— Лечу... — прошептал он. — Реально лечу.

В пилотажной зоне мы приступили к выполнению задания. «Восьмёрка» послушно гудела, но полёт выходил рваным, дёрганным. Петрухин старался изо всех сил, но именно это старание ему и мешало.

Я наблюдал за ним, откинувшись в кресле. Парень буквально прилип взглядом к приборной доске. Его глаза метались: авиагоризонт — вариометр — скорость. Затем, почему-то на обороты взгляд бросил, потом снова авиагоризонт. Он пытался управлять вертолётom, как математик решает уравнение, постоянно «подлавливая» стрелки, которые убегали от идеальных значений. Из-за этого он постоянно дёргал ручкой, и машину начинало раскачивать.

— Саня, глаза подними. Ты же не в подводной лодке, — спокойно произнёс я в микрофон, не меняя расслабленной позы.

Он уже начал выполнять вираж с креном 30° , но он у него получался слишком рваным и неустановившимся.

— Есть поднять, — отозвался Петрухин, на секунду глянув в лобовое стекло, но тут же, словно на магните, его взгляд снова упал на приборы.

Он просто не верил, что без этих цифр можно лететь.

Мы сделали ещё один вираж. Кривовато со «ступенькой» по высоте. Петрухин закусил губу, ещё сильнее впиваясь глазами в шкалы. Я понял: если сейчас начать на него давить голосом, он окончательно зажмётся и потеряется. Здесь нужна шоковая терапия, но мягкая.

— Выводи из виража с курсом на аэродром, — ровным, тихим голосом сказал я.

Петрухин выровнял машину.

— Иди в горизонте, — также спокойно продолжил я.

Затем вновь нажал кнопку внутренней связи, обращаясь к бортовому технику.

— Ваня.

— На связи, командир, — отозвался Исаев.

— Возьми мою куртку с крючка.

— Взял.

— А теперь аккуратно, не пугая Сан Саныча, накрой ему приборную доску. Целиком.

В кабине повисла тишина, разбавляемая только гулом турбин. Петрухин даже не сразу понял, о чём речь, пока тень от кожаной «шевретки» не упала на пульт. Синицын ловко набросил куртку, закрыв авиагоризонт, вариометр, высотометр и указатель скорости.

Петрухин вздрогнул всем телом. Он растерянно повернул ко мне голову, в глазах плескался ужас человека, у которого внезапно выключили свет.

— Товарищ подполковник. Я же... я не вижу ничего! Скорость, крен... Как я лететь буду? — начал спрашивать Петрухин.

— А ты на улицу смотри, Саша. Там всё нарисовано. Лучше любых приборов. Вот смотри!

Я ввёл вертолёт в правый вираж и показал Александру, чтобы тот посмотрел на остекление кабины.

— Линию естественного горизонта видишь? Вот и сохраняй положение вертолёта соответствующими отклонениями рычагов управления. И дышать не забывай.

Я убрал руку с ручки управления. Вертолёт перестал рыскать.

— Теперь слушай машину. Слышишь звук лопастей? Слышишь двигателя? Если тон меняется — значит, ты что-то делаешь не так. Тянешь или разгоняешь. А теперь давай, плавно, и в левый вираж.

Петрухин, всё ещё пребывая в лёгком шоке, осторожно отклонил ручку влево. Он искал привычные стрелки, но наткнулся взглядом на куртку. Ему ничего не оставалось, кроме как смотреть наружу.

— Вот! Не ищи цифры, ищи картинку. Красиво должно быть. Если картинка красивая — значит, и полёт правильный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.